ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ

ОТЪ ПЕРВАГО ЕЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ НА РУСИ

ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ОТЪ ОСНОВАНІЯ ШКОЛЪ ПРИ СВ. ВЛАДИМІРѢ ДО МОНГОЛЬСКАГО ИГА.

С. Миропольскаго.

Приложеніе къ журналу «Церковныя Вѣдомости», издаваемому при Святѣйшемъ Сѵнодѣ.

1894.

ОЧЕРКЪ

СТОРІИ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ

ОТЪ ПЕРВАГО ЕЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ НА РУСИ

ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ОТЪ ОСНОВАНІЯ ШКОЛЪ ПРИ СВ. ВЛАДИМІРѢ ДО МОНГОЛЬСКАГО ИГА.

С. Миропольскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СИНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1894.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволя
С.-Петербургъ, 30 Сентября 1894 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Тихонъ.*

ВВЕДЕНІЕ.

«Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу».

История русской начальной школы доселѣ еще не появлялась въ нашей литературѣ въ *цѣломъ* видѣ; изслѣдованія отдѣльныхъ ея *періодовъ* не многочисленны. Матеріалъ для исторіи нашихъ древнихъ училищъ крайне скуденъ. Въ лѣтописяхъ извѣстія о нихъ отрывочны и случайны. Приходится собирать свѣдѣнія по крохамъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ; приходится обращаться иногда къ предположеніямъ и выводамъ, которые не всегда могутъ быть точны и могутъ подлежать возраженіямъ, особенно со стороны скептиковъ, готовыхъ иногда отрицать и общепризнанные факты, въ угоду своимъ излюбленнымъ доктринамъ.

Не имѣя претензій на самостоятельность научныхъ изслѣдованій, пользуясь по возможности всѣмъ, чтò появилось въ литературѣ нашего предмета, мы желали бы дать краткій очеркъ исторіи нашей начальной школы на всемъ протяженіи ея исторической жизни, отъ возникновенія ея на Руси до настоящаго времени.

Это нужно прежде всего для нашихъ *народныхъ учителей*, для нашихъ педагоговъ, которые доселѣ лишены были возможности познакомиться съ исторіей того дѣла на Руси, которому они посвящаютъ свои силы и знанія. Наша педагогика, наше учебное дѣло, какъ извѣстно, начиная съ Петра Великаго, всегда испытывали сильное иноземное вліяніе, а въ ближайшую къ намъ эпоху реформъ Александра II-го педагогика наша стала почти нѣмецкою. Мы имѣемъ теперь исторію *нѣмецкой* школы; исторію *нѣмецкой* педагогики, даже исторію нѣмецкихъ методовъ обученія по всѣмъ предметамъ начальнаго курса, а исторіи родной школы мы не имѣемъ, исторіи русскаго воспитанія и обученія у насъ доселѣ нѣтъ. Наша педагогическая литература заполонена переводами и передѣлками нѣмецкихъ руководствъ и пособій. Что всего хуже, подъ вліяніемъ нѣмецкой школы мы стали утрачивать *живой духъ* народныхъ преданій, глубокія историческія *основы* народнаго воспитанія и обученія. Покинувъ источникъ живой воды, мы обратились къ источникамъ мутнымъ. Появилось воспитаніе въ духѣ «международномъ», въ духѣ раціонализма, индеферентизма и другихъ иноземныхъ началъ и направленій. Невѣжеству нашему въ исторіи родной школы соотвѣтствовало и высокомѣріе, презрительный взглядъ на нее, стрем-

леніе *передѣлать* ее на иноземный ладъ. А между тѣмъ какая вели
въ высокой степени поучительная и трогательная картина раскрывается
нами, когда мы начинаемъ изучать судьбы нашей школы, нашего обр
нія, тѣсно соединенныя, съ исторіею церкви нашей. Наша школа—много
дальная, какъ и самъ народъ русскій. Широкимъ разцвѣтомъ началас
на Руси и затѣмъ прошла великую школу всевозможныхъ испытаній;
смотря на самыя тяжкія невзгоды, она сохранила себя до нашихъ дне

Кто посвящаетъ себя воспитанію юношества, тому должны быть в
и дороги судьбы родной школы нашей.

Полезно вѣдать это и всякому образованному русскому человѣку.
безъ преданій—значитъ не имѣть прошлаго и начинать жить сызнова;
читъ потерять то, что пріобрѣтено предками многовѣковымъ трудомъ, зна
утратить корень, а слѣдовательно и крѣпость существованія. Образова
человѣкъ, незнающій исторіи образованія народа своего, похожъ на
перекати-поле: ее несетъ всякій вѣтеръ, и она останавливается
гдѣ случится, ибо она потеряла свой корень. Отъ того то мы такъ
гда и увлекались иноземнымъ, что мало знали свое прошлое, мало цѣ
его, не старались уразумѣть его правду, его духовную силу. Стали мы
памятными, забыли вспоминать дѣла отцовъ нашихъ, перестали поуч
трудами, терпѣніемъ, страданіями предковъ своихъ и стали увлекаться
кимъ вѣтромъ ученій чуждыхъ. А старыхъ русскихъ людей не разъ спа
въ великихъ народныхъ бѣдахъ память о старыхъ отцовскихъ дѣла
крѣпокъ былъ русскій народъ этою памятью.

Когда мы узнаемъ, *какъ* возникла наша школа, *чѣмъ* она была,
жила, *какою силою* она росла, какихъ *подвижниковъ* и страдальцевъ за
скую землю создала она, какія *невзгоды* перенесла она, какіе *идеалы*
щала намъ, мы лучше поймемъ и вѣрнѣе оцѣнимъ, чѣмъ она *должна*
и въ наше время. А это дѣло великой важности.

Обращаясь къ источникамъ нашего труда, мы прежде всего до
указать на наши *лѣтописи*, въ разныхъ спискахъ дополняющія другъ д
на древніе *памятники литературы*, житія святыхъ, патерики, кото
и пользовались всѣ изслѣдователи нашего предмета, на акты историч
описанія рукописей и книгохранилищъ. Затѣмъ идутъ труды истор
Татищева, «Исторія Россійская», представляющая сводъ лѣтописей,
коихъ многія для насъ утрачены, изд. 1768—84.; *Карамзина*, «Ист. Г
Рос.»; *Соловьева*, «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ»; *Погодина*,
русская исторія до монгольскаго ига» (изд. 71 г.); труды по исторіи Ру
Церкви арх. *Филарета* Черниговскаго, *Макарія* м. Московскаго, проф. Е
лубинскаго и др.; *Амвросія*, «Исторія Россійской іерархіи»; труды по др
русской словесности проф. *Шевырева, Порфирьева, Галахова, Знаменскаго*
а также труды молодыхъ нашихъ ученыхъ изслѣдователей древне-ру
литературы—Н. *Никольскаго* (о Климентѣ Смолятичѣ), *Жданова, Воскр
скаго, Архангельскаго* и др.

По исторіи древне-русскихъ училищъ до XV в. существуетъ капитальный трудъ Н. А. *Лавровскаго*, вышедшій въ 1854 г. и составляющій нынѣ библіографическую рѣдкость. Трудъ г. Лавровскаго является единственнымъ, отличается безпристрастіемъ, вполнѣ ученою разработкою лѣтописныхъ свидѣтельствъ объ учрежденіи нашихъ училищъ и вообще составленъ съ научною добросовѣстностію. Трудъ *Хмырова*, «Училища и образованность на Руси до-Петровской», помѣщенный въ ж. «Народная школа» за 1869 г., составленъ на основаніи изслѣдованій Лавровскаго и представляетъ лишь немногія дополненія цитатъ изъ старыхъ источниковъ, съ освѣщеніемъ не всегда вѣрнымъ. Изслѣдованіе проф. *Соболевскаго*, «Образованность Московской Руси въ XV—XVII в.» представляетъ *новый* взглядъ на эту эпоху. Обыкновенно это время (VX—XVII в.) принято считать временемъ упадка просвѣщенія и грамотности на Руси (этого воззрѣнія держится и Лавровскій). Проф. Соболевскій доказываетъ, что это мнѣніе преувеличено. Онъ находитъ, что грамотность въ эту эпоху была на Руси повсемѣстною и приводитъ доказательства изъ подписей юридическихъ актовъ, изъ житій святыхъ этого времени, и изъ другихъ источниковъ, собирая свѣдѣнія съ трудолюбіемъ истинно-ученаго изслѣдователя.

Статья проф. *Леонтовича*, «Школьный вопросъ древней Россіи», въ отношеніи фактическаго матеріала не представляетъ ничего новаго; но авторъ старается дать *новое* освѣщеніе вопросамъ о характерѣ древне-русскаго образованія, «объ общественныхъ органахъ, въ функцію которыхъ входило попеченіе о народномъ образованіи», объ обязательности школьнаго обученія, «о культурной роли древне-русской школы». Къ сожалѣнію, авторъ несочувственно относится къ церковному характеру древне-русской школы и иногда считаетъ недостатками ея то, что̀ составляетъ ея достоинство. Сочувствіе автора принадлежитъ Западу и его культурѣ. Правдивый отзывъ о трудѣ Леонтовича помѣщенъ въ 33 № Церк. Вѣдомостей 1894 г. Здѣсь же помѣщенъ и библіографическій указатель пособій по школьному вопросу въ Россіи, хотя и неполный, но заключающій въ себѣ все главное.

Для исторіи школы съ Петра Великаго служатъ пособіями: трудъ академика *Пекарскаго*, «Наука и литература при Петрѣ І-мъ»; проф. *Буданова*, «Государство и нар. образованіе въ Россіи въ XVIII в.» (1874 г.) и *Воронова*, «Историко-Статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній спб. округа» (1849). Трудъ Воронова въ научно-историческомъ отношеніи ничтоженъ; но онъ даетъ матеріалъ, извлеченный изъ архивовъ Мин. Нар. Просвѣщенія, довольно цѣнный. Затѣмъ историческія статьи *Н. Весселя* о народной школѣ, помѣщенныя въ «Ж. Мин. Нар. Пр.» и въ «Русской школѣ» представляютъ поверхностныя компиляціи изъ трудовъ Хмырова и Воронова. Авторъ поклонникъ системы нѣмецкихъ школъ и желалъ бы пересадить эту систему въ Россію.

Для исторіи начальной школы въ *нашу эпоху* не мало матеріала даютъ статьи г. *Благовидова*, помѣщенныя въ ж. «Странникъ» за 1890 г. Авторъ имѣлъ подъ руками архивные матеріалы изъ дѣлъ Св. Синода и сообщаетъ

много любопытныхъ фактовъ изъ исторіи многострадальной церковно-при-ходской школы въ эпоху реформъ Александра II-го. Въ брошюрѣ «Мѣры къ повсемѣстному распространенію грамотности въ народѣ» излагаются мѣры для правильнаго устройства церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Для характеристики общаго значенія церковно-приходской школы служитъ трудъ прот. *П. Смирнова* «Прошедшее въ церковно-приходской школѣ на Западѣ, въ виду будущаго нашей».

Наконецъ существуетъ много статей въ разныхъ періодическихъ изда-ніяхъ, посвященныхъ разработкѣ частныхъ историческихъ фактовъ изъ исто-ріи нашего образованія. Укажемъ *нѣкоторыя. Д. Мордовцева*, «О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.»; *Н. Лавровскаго*, «Памятники древне-русскаго воспитанія»; «Къ исторіи просвѣщенія въ древней Руси» *В. Бодянскаго* (о церк. библіот. XVII в.); *Полетаева*, «Школы грамоты на Руси»; *Б—на*, «Участі правительства въ дѣлѣ нар. образованія, до Петра В.»; *Величко*, «Истори-ческій очеркъ обществ. образованія въ Россіи» (1861 г.); *Григорьева*, «За-мѣтки по исторіи книжнаго просвѣщенія въ Россіи»; ст. *Купріянова*, *За-бѣлина*, «О характерѣ древняго образованія въ Россіи» и мн. др., особенн въ духовныхъ журналахъ «Правосл. Собесѣдникъ», «Христ. Чтеніе», «Право-славное Обозрѣніе», «Православный Собесѣдникъ», Приложенія къ твореніям Св. Отцевъ, а также въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, Архивъ и др.

Вообще, не смотря на скудость первоначальныхъ источниковъ о книж-номъ ученіи на Руси, матеріала для исторіи школъ нашихъ имѣется н мало; но онъ разбросанъ, раздробленъ и привести его къ единству тѣмъ труднѣе что разработка его и взгляды на дѣло образованія у различныхъ изслѣдова-телей весьма разнообразны и иногда доходятъ до полныхъ противорѣчій.

Настоящій трудъ, какъ первый опытъ *цѣлой* исторіи нашей начально школы, конечно, не свободенъ отъ недостатковъ, пробѣловъ, опущеній; н онъ имѣетъ *единство* взгляда на ходъ нашего народнаго образованія, на ег основныя задачи, характеръ, а вслѣдствіе того и на его будущность.

Взглядъ этотъ не составленъ теоретически и не придуманъ произвольно,— его *даетъ сама исторія и подтверждаетъ фактами;* при этомъ онъ совпа-даетъ съ воззрѣніями и народа нашего на школу, на *обученіе*, на его ха-рактеръ и задачи.

Какъ русская исторія, такъ и исторія школы начальной на Руси распа-дается на *двѣ* половины—школа древней Руси *до-Петровской* и школа *послѣ Петра* Великаго.

Въ первой половинѣ мы различаемъ *три* періода:

I-й періодъ—отъ основанія училищъ на Руси до монгольскаго ига (988—1238). Просвѣщеніе народа «книжнымъ ученіемъ» широко и сво-бодно распространяется по Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ; школа является вмѣстѣ съ церковію, подъ руководствомъ церковной власти. Распростране-ніе училищъ идетъ быстро, свободно, безъ потрясеній и колебаній, охваты-ваетъ всю Русь и даетъ блестящіе результаты.

II-й періодъ обнимаетъ время монгольскаго ига (1238 г.—1480). Русь удѣльно-Московская испытываетъ страшное нашествіе дикихъ народовъ Азіи. Огонь и мечъ прошли землю Русскую,—города разрушены, церкви разграблены и сожжены, народъ оскудѣлъ, потерялъ безчисленное множество лучшихъ сыновъ своихъ. Все это сильно потрясло и даже пріостановило начавшійся быстрый ростъ училищъ. Но школу сберегло духовенство. Образованіе ютилось въ монастыряхъ, поддерживалось черноризцами, священниками и причтами. Явилось *частное* обученіе. Высшая духовная власть оберегала школы и отстаивала ихъ предъ монгольскими владыками.

III-й періодъ обнимаетъ время съ половины XV в. до Петра Великаго. Въ эту эпоху приготовляется и совершается отпаденіе значительной части Руси къ Польшѣ (1569). Образованіе отпавшей половины Руси подчиняется чуждымъ вліяніямъ, но охраняется *братствами;* преемство Владиміровой церковной школы сохраняется въ Московской Руси, которая крѣпнетъ и объединяется. Съ XV вѣка, въ виду упадка просвѣщенія и возникшихъ ересей, духовная іерархія принимаетъ мѣры къ учрежденію правильно устроенныхъ церковныхъ школъ по всему государству.

IV-й періодъ начинается Петромъ В., обнимаетъ блестящій вѣкъ Екатерины II и заканчивается учрежденіемъ министерства просвѣщенія (1802 г.) при Александрѣ I-мъ. Это эпоха западно-европейскаго вліянія на нашу школу. Церковно-приходская школа или забыта (при Петрѣ I), или преслѣдуется (при Екатеринѣ II), въ виду проектовъ учрежденія школъ по иноземному образцу; но духовенство и народъ сберегаютъ школу свою и она непрерывно продолжаетъ свое существованіе. Это періодъ административныхъ проектовъ, плановъ, предположеній, кабинетныхъ реформъ въ народномъ образованіи, чуждыхъ жизни и потому безсильныхъ и мертворожденныхъ.

V-й періодъ обнимаетъ XIX в., до нашего времени. Здѣсь можно различать частныя направленія. а) Вѣкъ *Александра I-го* представляетъ еще отголосокъ вѣка Екатерины II-й, съ вліяніемъ европейскихъ началъ гуманности, индиферентизма, мистицизма и др. вѣяній. б) Эпоха *Николая I-го* является утвержденіемъ національнаго направленія въ образованіи на началахъ «православія, самодержавія и народности». в) Царствованіе *Александра II-го* представляетъ эпоху реформъ. Освобожденіе крестьянъ открываетъ широкую возможность образованія народа. Духовенство самостоятельно принимаетъ въ этомъ дѣлѣ живое и плодотворное участіе, открываетъ во множествѣ церковно-приходскія школы, безмездно обучаетъ дѣтей. Учрежденіе земства привлекаетъ къ школѣ новыя средства, но увлекаетъ ее на путь иноземныхъ (преимущественно нѣмецкихъ) вліяній. Духовенство постепенно устраняется отъ школы. Мученическая кончина Царя-Освободителя служитъ къ отрезвленію умовъ отъ крайнихъ увлеченій. г) Царствованіе *Александра III-го* представляетъ возстановленіе народной школы на исконныхъ историческихъ ея основахъ. Духовенство вновь призывается къ образованію народа,—школы увеличиваются въ количествѣ, улучшаются въ качествѣ и получаютъ живое

направленіе въ духѣ церковности. Народъ, руководимый духовенствомъ, са создаетъ школы, онѣ быстро умножаются. Составляется «*Положеніе о церков приходскихъ школахъ*», образуется *высшее управленіе* церковно-приходски школами при Св. Синодѣ, выработывается правильная ихъ *организація*, ставляются *инструкціи, программы, учебники, пособія* для школъ; въ кажд епархіи учреждаются *училищные совѣты* и ихъ *отдѣленія* по уѣздамъ; ор низуется школьный *надзоръ*, принимаются мѣры къ *образованію учител* учреждаются двухклассныя школы съ учительскими курсами, основывает *образцовая* женская *учительская школа* въ Петербургѣ, организуются *учител скіе съѣзды*. Церковно-приходская школа, руководимая духовенствомъ, п всеобщемъ участіи и расположеніе народа, быстро развиваясь, содѣйствуе улучшенію нравственнаго и экономическаго его быта. Выработывается «*П ложеніе о школахъ грамоты*», принимаются мѣры къ устройству *приходски библіотекъ*, къ *безплатной разсылкѣ книгъ* въ бѣднѣйшія школы, орган зуется *издательская комиссія* для удешевленнаго печатанія учебниковъ и п собій на спеціальныя средства Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта. Кіевск съѣздъ руководителей церковно-приходскихъ школъ, въ память 10-лѣтія и возрожденія, представляетъ живую картину дѣятельности духовенства на пол народнаго образованія въ мирное царствованіе Александра III.

Очеркъ исторіи церковно-приходской школы на Руси.

I. Историческія условія возникновенія школъ и образованія на Руси.

А) Школы на Руси и образованіе возникаютъ вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ Руси христіанствомъ. Христіанство на Руси является дѣломъ *свободнаго* избранія лучшей вѣры княземъ и народомъ. Принятію вѣры православной предшествовало *испытаніе вѣръ* чрезъ лучшихъ избранныхъ мужей, числомъ 10. Выслушавъ отзывы ихъ о вѣрѣ Греческой, бояре единогласно признали ея превосходство и указали на Ольгу—христіанку, «яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ». Владиміръ, безъ колебаній и сомнѣній, рѣшительно и прямо спрашиваетъ: «Кдѣ крещенье пріимемъ?»—Бояре отвѣчали: «гдѣ ти любо.» Народъ вѣрилъ своему единодержавному князю; князь вѣрилъ своему народу. Такого безпримѣрнаго согласія народа и правителя въ дѣлѣ выбора и перемѣны вѣры исторія никогда не представляла.

Когда приспѣлъ часъ совершить великое дѣло крещенія цѣлой страны языческой, народъ спокойно и съ увѣренностію пошелъ за своимъ княземъ. «Володимеръ посла по всему граду, глаголя: «аще не обрящеться кто рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будеть». Се слышавше *людье съ радостью идяху, радующеся и глаголюще:* «аще бы се не добро было, *не бы сего князь и боляре приняли*». Какое величественное, трогательное и безпримѣрное въ исторіи событіе представляетъ крещеніе Руси! «И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ», говоритъ лѣтописецъ и заключаетъ: «Благословенъ Господь Іисусъ Христосъ, иже *возлюби новыя люди, Руськую землю,* просвѣти ю крещеніемъ святымъ».

Иларіонъ, знавшій о событіи этого крещенія отъ участниковъ его, въ похвалѣ Владиміру пишетъ, что князь «заповѣда *по всей земль своей* креститися во имя Отца и Сына и Святаго Духа, ясно и велегласно *во всѣхъ градѣхъ* славитися Святѣй Троицѣ, и *всѣмъ* быти крестьяномъ (христіанами) малымъ и великимъ, рабомъ и свободнымъ, унымъ и старымъ, богатымъ и убогимъ. И не бысть *ни единаго же противящеся* благочестивому его повелѣнію; да аще кто и не любовью, но страхомъ повелѣвшаго крещахуся, понеже бѣ благовѣріе его съ властію съпряжено. И *въ едино время вся земля наша* въслави Христа со Отцемъ и Св. Духомъ» [1]).

Итакъ, принятіе христіанства на Руси является *общимъ* актомъ, при *единодушномъ согласіи народа*, бояръ и князя.

---

[1]) Понятно, что въ этой общей картинѣ отдѣльные случаи и частности временнаго сопротивленія волѣ князя (въ Новгородѣ, въ Ростовѣ) не нашли мѣста, но они общей картины и не измѣняютъ, какъ факты частные.

Такое водвореніе христіанства на Руси естественно *узаконяло* и *облегчало* введеніе и всѣхъ учрежденій, *соединенныхъ съ нимъ*, къ числу которыхъ прежде всего принадлежатъ *книжное просвѣщеніе* и *училища*.

Лѣтописныя свидѣтельства дѣйствительно удостовѣряютъ, что *на всей Руси* съ церковію являлось и *книжное ученіе*, ввѣряемое княземъ духовенству, свободно и благожелательно принимаемое народомъ.

Первыя школы на Руси учреждаются, говоря словами лѣтописца, «на утвержденіе вѣры». Утвержденіе вѣры утвердило школы.

Замѣчательно, что и *въ другихъ Славянскихъ земляхъ*, въ Болгаріи, Моравіи, Чехіи, христіанство принято было *по желанію* князей, утвердилось по общему согласію народа; просвѣтителями явились Греческіе пастыри; но князья требовали просвѣщенія *на родномъ языкѣ* [1]).

Б) Извѣстно, что до принятія христіанства Славяне «имяху обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья,» какъ имѣли свою религію, съ обрядами и жрецами. Этотъ законъ племена «сами себѣ творили», по выраженію лѣтописца.

Христіанство вноситъ въ Русь *новый законъ*,—законъ самого Бога,—законъ общій для *всѣхъ* племенъ, законъ истинно добрыхъ нравовъ; но этотъ законъ, для своего познанія, вкорененія и распространенія, *требуетъ отъ Руси ученія и образованія*. Слѣдовательно, со введенія христіанства, церковь, общество и законодатель Руси должны были единодушно принять и признать обязательными три задачи для своей дѣятельности: *содѣйствіе образованію народа религіозному, вкорененіе* въ немъ христіанской *нравственности* и *распространеніе въ немъ умственнаго образованія*. [2]) Если бы народу дана была новая вѣра *вопреки его желанію*, то эти три задачи были бы невыполнимы, или исполненіе ихъ было бы дѣломъ величайшей трудности и долгаго времени. Но Русь свободно, *своею волею*, приняла христіанство, поэтому также свободно *пожелала* и просвѣщенія,—одинаково—словеснаго *въ церкви* и книжнаго *въ школѣ*, о чемъ единодушно заботились князья и духовная власть.

В) Не менѣе важнымъ является и то обстоятельство, что христіанство нашло въ Руси *дѣвственную* почву. На это обращаетъ вниманіе Погодинъ.

«Христіанская вѣра, говоритъ онъ, сдѣлалась вмѣстѣ и источникомъ нашего образованія,—источникомъ *единственнымъ*, въ противоположность съ западными на-

---

[1]) Подъ 6406 г. лѣтописецъ пишетъ: «Словѣномъ жиущіимъ крещенымъ и княземъ ихъ, Ростиславъ, и Святополкъ, и Коцелъ послаша ко Царю Михаилу, глаголюще: земля наша *крещена и нѣсть у насъ учителя*, иже бы ны наказалъ и поучалъ ны, и протолковалъ святыя книгы; не разумѣемъ ни Гречьску языку, ни Латыньску; *они бо ны онаго учать*, а *они бо ны и онако*, тѣмъ же *не разумѣемъ книжнааго образа, ни силы ихъ*: и послѣте ны учителя, иже ны *могутъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ*. Се слыша Царь Михаилъ, и созва философы вся, и сказа имъ рѣчи вся Словѣньскыихъ князь, и рѣша философи: есть мужь въ Селуни, имепемъ Левъ; суть у него сынове разумиви языку Словѣньску, хитра два сына у него философа. Се слышавъ Царь, посла по ня въ Селунь ко Львови, глаголя: посли къ намъ въскорѣ сына своя Мефодія и Костянтина. Се слыша Левъ, въскорѣ посла я, и придоста ко Царевн, и рече има: «се прислалася ко мнѣ Словѣньска земля, просящи учителя собѣ, иже бы могль имъ *протолковати святыя книгы; сего бо желаютъ*». Умолена быста Царемъ, и послаша я въ Словѣньскую землю къ Ростиславу, и Святополку, и Къцьлови. Сима же пришедъшема, *начаста съставливати письмена азъбуковьная Словѣньскы*, и преложиста Апостолъ и Еуангелье. *Ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ*».

Благодаря этому, въ Славянскихъ земляхъ устроены были многія училища, «построены церкви и монастыри и поставлены епископы, попы, игумены — да учатъ». Число учениковъ Климента возрасло до 3.500.

[2]) Лешковъ, «Ист. Рус. общественнаго права», стр. 207.

родами, которые, кромѣ христіанской вѣры, получили въ наслѣдство себѣ, еще прежде ея введенія, греческое и римское образованіе, сильное и многостороннее они *пропитались* этимъ образованіемъ, и оно дало ихъ новымъ вѣрованіямъ свой *особый* характеръ, что и было причиною отличій первоначальнаго римскаго католичества отъ греческаго, а еще болѣе отъ русскаго православія»[1]).

Г) Въ высокой степени важнымъ для просвѣщенія Руси является то обстоятельство, что предки наши, говоря словами Іакова мниха, «пріяша святое крещеніе, *готово имуще святое писаніе* и *книги переведены* съ греческаго языка *на русскій*».

Трудно оцѣнить достаточно важность этого обстоятельства. Новокрещенному народу сразу открывается доступъ къ чтенію источника вѣры православной, къ совершенію богослуженія на родномъ языкѣ, къ изученію духовной литературы. Съ другой стороны, самый русскій языкъ, благодаря отличному знанію его и высокой филологической подготовкѣ св. просвѣтителей Славянъ, при вліяніи совершеннѣйшаго изъ классическихъ языковъ, получаетъ обработку въ стилѣ и формахъ, развитіе для выраженія самыхъ высокихъ истинъ и отвлеченныхъ понятій.

Поистинѣ святые просвѣтители Славянъ были *основателями* и нашего *книжнаго ученія.* Благословеннымъ трудомъ ихъ Русь пользуется и доселѣ. Труды ихъ легли и въ основу первоначальной школы нашей, трудамъ ихъ эта школа обязана широкимъ распространеніемъ на Руси, съ первыхъ поръ ея просвѣщенія. Грамотность на *чужомъ* языкѣ не могла бы скоро и прочно привиться народу[2]).

Д) Новое важное обстоятельство для распространенія на Руси грамотности представляетъ этнографическое единство славянскихъ племенъ. «А словѣнескъ языкъ и русскый *единъ:* отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первѣе бѣша словѣне; аще и Поляне звахуся, но *словѣньская рѣчь бѣ*», говоритъ лѣтописецъ[3]).

Благодаря этому, на всемъ пространствѣ великой русской земли *славянская* книга была *понятною всѣмъ*; не будь этого, первоначальное образованіе не могло такъ широко разлиться по Руси съ первыхъ поръ ея просвѣщенія.

---

[1]) Погодинъ, Др. Рус. Ист. стр. 653.

[2]) «Прежде оубо словѣне, пишетъ черноризецъ Храбръ, не имѣху книгъ, нѫ чъртами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ, поганисѫщи». Изъ сказанія Храбра видно, что предки наши не ограничивались чертами и рѣзами, но пытались писать римскими и греческими буквами—«Римьскими и Грьчьскими письмены нуждаахѫся писати словѣньскѫ рѣчь безъ оустроена». Изобрѣтеніе славянскихъ письменъ Храбръ признаетъ благодѣяніемъ и милостію Бога («помиловалъ родъ словѣньскъ»), призывающаго всѣхъ ко спасенію. Такой взглядъ на грамоту сохранили и наши предки, считая ее дверью къ уразумѣнію божественныхъ книгъ. Въ грамотѣ «*разумъ Богъ есть далъ словѣномъ*». Храбръ замѣчаетъ, что происхожденіе славянскихъ письменъ и переводъ священныхъ книгъ были извѣстны всѣмъ, «кождому словеньскому букварю».

Аще бо въпросиши книгъчиа грьчьскыа, глагола: кто вы есть писмена створилъ, или книги прѣложилъ, или въ кое врѣма? то рѣдьціи отъ нихъ вѣдать. Аще ли въпросиши словѣньскыа боукара, глагола: кто вы писмена створилъ есть, или книгы прѣложилъ? то вьси вѣдать, и отвѣщавше рекѫть: святыи Констаитинъ философъ, нарыцаемыи Кирилъ, тъи намъ писмена створи и книгы прѣложи, и Меѳодие братъ его. сѫть бо еще живи, иже сѫть видѣли ихъ. и аще въпросиши: въ кое врѣма? то вѣдать и рекѫть: яко въ врѣмена Михаила цьсарѣ Грьчьска, и Бориса Къназа Блъгарьска, и Растица Къназа Моравьска, и Коцелѣ Къназа Блатьньска, въ лѣто же отъ създаниа вьсего мира *ЅТЗГ*. Изд. *Шафарика* «Pamatky» и пр. 1851 г.

[3]) Полн. собр. лѣтоп., т. I. Лѣтопись Лаврентьевская.

Е) Русь получила христіанство *отъ Грековъ;* они принесли намъ и книжное просвѣщеніе; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ просвѣщеніи древней Руси участвовала и единоплеменная, единовѣрная намъ, ранѣе насъ принявшая христіанство *Болгарія.*

Въ Іоакимовой лѣтописи пишется: «царь же Болгарскій Сумеонъ († 927 г.) присла *іереи учены* и *книги доволны,* и посла Владиміръ въ Царь-градъ къ царю и патріарху просити митрополита, онъ же вельми возрадовашеся, и прислаша митрополита Михаила, мужа весьма ученаго и богобоязненнаго, *Болгарина суща,* съ нимъ *четыре епископы,* и *многи іереи, діаконы и демественники отъ славянъ*» [1])

Митрополитъ Михаилъ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ устроителей школъ; онъ собиралъ учителей и наставлялъ ихъ; епископы, а также «многи іереи и діаконы», конечно, служили дѣлу образованія, и для нихъ это было удобно, такъ какъ рѣчь ихъ была *понятна народу.*

«Демественники» же принесли съ собою *пѣніе,*—тоже *Болгарское,* болѣе *близкое намъ* по духу, стилю, характеру и потому *легче изучаемое.* Еслибы на первыхъ порахъ у насъ не было грамотныхъ людей и пѣвцовъ, знающихъ *русскую рѣчь*—славянъ, то гдѣ было бы взять учителей для школъ, которыя съ первыхъ же поръ открывались «по всемъ градомъ и селомъ»? Чтобы приготовить *своихъ* учителей, для этого нужно было время; а изъ Грековъ, пришедшихъ на Русь, многіе ли знали русскій языкъ? Не надо забывать, что Болгарія уже *за сто* лѣтъ до крещенія Руси имѣла *училища* и обширную духовную *письменность.* Кромѣ перевода священныхъ и богослужебныхъ книгъ, Болгары имѣли переводъ многихъ писаній отеческихъ, а также и руководства для училищъ, каковы грамматика, философія, и богословіе І. Дамаскина, церковная и гражданская исторія и многія другія. Это обстоятельство содѣйствовало широкому распространенію образованія на Руси и такой высотѣ его, что черезъ 40—50 лѣтъ послѣ Владиміра у насъ уже являются мужи высокихъ дарованій и учености.

Участіе въ нашемъ образованіи епископовъ, священниковъ и клира изъ *просвѣщенныхъ Болгаръ* нельзя не считать въ числѣ благопріятныхъ условій для нашей древней школы, для обученія въ ней на родномъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что Болгары приносили съ собою «книги многи» [2]). Таковы были историческія условія, при которыхъ началось книжное образованіе въ древней Руси.

II. Учрежденіе и распространеніе училищъ на Руси.

Объ основаніи «книжнаго ученія» на Руси лѣтописецъ, подъ 988 г., пишетъ, что Св. Владиміръ князь, просвѣтившись вѣрою, послѣ крещенія Кіевлянъ, «нача ставити по градомъ церкви и *попы,* и люди на крещеніе приводити по *всѣмъ градомъ* и *селомъ.* Пославъ нача поимати у нарочитое чади *дѣти* и даяти нача *на*

[1]) Іоак. лѣт. I, 38. Дата указываетъ погрѣшность въ имени царя, но фактъ несомнѣненъ.

[2]) Кромѣ трудовъ св. просвѣтителей Славянства Кирилла и Меѳодія, число коихъ весьма значительно, Болгарская церковь дала намъ труды ихъ преемниковъ, также весьма обильные. Таковы: св. *Климентъ* (писавшій слова, поученія, житія святыхъ), *Симеонъ,* «книголюбецъ», первый царь Болгарскій (переведшій 136 словъ Златоустаго), *Іоаннъ,* экз. Болгарскій, «строитель церковный», при кн. Симеонѣ (составившій Шестодневъ, переведшій Богословіе, Діалектику и Грамматику Дамаскина, писавшій слова), *Константинъ еп.* (писавшій слова и поученія, житія, перев. св. Аѳанасія), *Григорій* пресвитеръ (перев. хронику Малалы), Черноризецъ *Храбръ* (сост. кн. «О письменѣхъ), *Козма* пресвитеръ (писавшій противъ Богомиловъ).

ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но яко по мертвецп плакахуся. Симъ же раздаяномъ на ученье книгамъ, сбыстъся пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: въ оны дни услышатъ глусіи *словеса книжная,* и яснъ будетъ языкъ гугнивыхъ» [1]).

Такъ вмѣстѣ съ принятіемъ Св. Вѣры Русь получила и ученіе книжное, которымъ руководили тѣ, кто просвѣтилъ Русь православіемъ, то-есть, епископы и священники. Неопредѣленное выраженіе лѣтописи «даяти нача на ученіе книжное» вызываетъ вопросъ, были ли Св. Владиміромъ устрояемы *училища,* или просто *собирали* дѣтей *для просвѣщенія* ихъ ученіемъ христіанскимъ, словесно, или по книгамъ [2])?

Въ лѣтописи по Никонову списку о «книжномъ ученіи» дѣтей при Св. Владимірѣ пишется: «И начаша отъ отцевъ и отъ матерей взимати младыя дѣти, и давати въ *училище, учитись грамоте»* [3]). Татищевъ, первый нашъ исторіографъ по времени, пользовавшійся многими лѣтописными сказаніями, для насъ утраченными, пишетъ: «Таже повелѣ (Владиміръ) ставити церкви и священникамъ людей приводить на крещеніе, *по всѣмъ градомъ и по селамъ* посылая *попы ученые.* Митрополитъ же Михаилъ совѣтовалъ Владиміру *устроить училища,* на утвержденіе вѣры, и собрать дѣти *въ наученіе.* И тако Владиміръ повелѣлъ собрать *дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ,* раздавая по церквамъ *священникамъ со причетники въ наученіе книжное.*—Прежде бо невѣдущіе закона не слыхали словесъ книжныхъ; по Божью строенію и милости явившейся, осѣни ихъ свѣтомъ благоразумія, *устроены бо были многія училища»* [4]).

Карамзинъ, на основаніи лѣтописныхъ сказаній, пишетъ, что послѣ крещенія Руси, «чтобы утвердить вѣру на знаніи книгъ божественныхъ, еще въ IX в. переведенныхъ на славянскій языкъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и, безъ сомнѣнія, уже давно извѣстныхъ Кіевскимъ христіанамъ, великій князь Владиміръ *завелъ для отроковъ училища,* бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи» [5]).

Послѣдующія свѣдѣнія объ учрежденіи книжнаго ученія на Руси показываютъ несомнѣнно, что лѣтописецъ говоритъ именно объ учрежденіи *церковныхъ школъ* на Руси; поэтому и церковные историки—Филаретъ, Макарій и другіе, а равно и ученые изслѣдователи—Лавровскій, Хмыровъ и др., учрежденіе училищъ Св. Владиміромъ признаютъ несомнѣннымъ [6]).

---

[1]) Лавр. лѣтоп. стр. 51.

[2]) Соловьевъ въ Истор. Россіи (т. V) пишетъ: «Училища при Владимірѣ заведено не было, а дѣтей раздали учиться по церквамъ у священниковъ».

[3]) Никон. спис. Изд. 1767—92, I, стр. 94.

[4]) Истор. Рос. Изд. 1768—84 г., ч. II. стр. 75—6.

[5]) Ист. Госуд. Рос.; т. I. Что первоначальное книжное ученіе совершалось въ *училищахъ,* объ этомъ имѣемъ позднѣйшія свидѣтельства въ постановленіи Стоглаваго собора, гдѣ говорится: «а прежде сего въ Россійскомъ царствѣ на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ и по инымъ градомъ *многія училища* бывали». Стоглав. XXV.

[6]) Иноземецъ Эверсъ, «нѣмецъ именемъ и дѣломъ», отвергаетъ учрежденіе Владиміромъ школъ, а допускаетъ только, что дѣтей брали и отдавали въ наученіе епископамъ, въ цѣляхъ приготовленія къ священству. Хмыровъ, согласно съ Лавровскимъ, справедливо называетъ это сужденіе «вполнѣ нѣмецкимъ», потомучто оно имѣетъ въ виду однихъ священниковъ, но забываетъ о чтецахъ, пѣвцахъ, столь же необходимыхъ въ Русской церкви. Но если даже принять мнѣніе Эверса, то выходитъ только, что при епископахъ были *училища* для приготовленія дѣтей къ священству.

Не слѣдуетъ забывать, что прибывшіе въ Русь для просвѣщенія ея христіанствомъ Греки и Болгары сами обучались уже въ благоустроенныхъ училищахъ, имѣли предъ собою образцы разнообразныхъ учебныхъ учрежденій, знакомы были съ способами обученія того времени и вообще съ организаціей школъ. Если для Русскихъ послѣднія были новостью, то для Грековъ онѣ были учрежденіями хорошо извѣстными. Извѣстіе Татищева, что князь Владиміръ устроивалъ «книжное ученіе» по *совѣту* митрополита, явно указываетъ на непосредственное участіе послѣдняго въ устроеніи первыхъ школъ на Руси. Подтвержденіе этому находимъ, кромѣ Никоновой лѣтописи, въ Степенной книгѣ. Въ первой говорится: «Тѣхъ же всѣхъ *учителей грамотныхъ* призываше къ себѣ митрополитъ и наказываше (учаше) *православие* и *благочестие* крѣпко соблюдати, и безумныхъ рѣчей и неподобныхъ ошаятися». Здѣсь митрополитъ является наставникомъ учителей, руководителемъ ихъ; съ другой стороны *«грамотные учители»* являются какъ бы людьми особаго призванія, хотя всѣ они были священно-служителями церкви.

Лавровскій не безосновательно высказываетъ даже предположеніе, что первыя церковныя школы были общежитія [1]), гдѣ учившіеся жили совокупно, взятые изъ домовъ родителей, ибо иначе чѣмъ объяснить, что «матери чадъ сихъ аки по мертвеци плакахуся». Очевидно, плакали, потомучто разставались съ дѣтьми, лишались ихъ, хотя и на время [2]). Училище же съ общежитіемъ есть уже вполнѣ организованное училище. У насъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній о внутреннемъ бытѣ первыхъ училищъ, о способахъ ученія; но въ одномъ изъ списковъ лѣтописи Нестора [3]) учрежденіе кн. Владиміромъ книжнаго ученія дополняется такимъ извѣстіемъ: «симъ же (дѣтѣмъ) розданномъ на ученіе книжное, и *навыкаху скоро*, по Божью строю». Поэтому надо полагать, что учители были люди опытные. Въ Степенной книгѣ, составленной, какъ извѣстно митрополитами Макаріемъ и Кипріаномъ, излагается замѣчательный *наказъ* митрополита Михаила учителямъ школъ Владиміровыхъ. Хотя эта книга явилась уже въ половинѣ XVI в., но по своей сравнительной древности, принадлежа образованнѣйшимъ людямъ своего времени, конечно, знавшимъ историческое прошлое Руси и имѣвшимъ подъ руками источники, которые для насъ утрачены, а также и устное преданіе, заслуживаетъ довѣрія, тѣмъ болѣе, что характеръ наказа митрополита Михаила не противорѣчитъ другимъ свѣдѣніямъ о школахъ его времени и даже подтверждается ими. Вотъ это наставленіе: «Богодухновенный же учитель, преосвященный митрополитъ Михаилъ, призываше къ себѣ всѣхъ тѣхъ учителей грамотныхъ, и наказываше ихъ правѣ и благочиннѣ учити юныя дѣти, яко же *словесъмъ книжнаго разума*, такожде и *благонравію*, и въ правдѣ и въ любви, и зачалу премудрости, страху Божію, чистотѣ и смиреномудрію; учити же ихъ *не яростію*, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ и *любовнымъ обычаемъ*, и слаткимъ *проученіемъ*, и ласковымъ *разсужденіемъ* противу *коегождо* силы, и съ ослабленіемъ, *да не унываютъ*, паппаче всегда прилагати имъ ученіе отъ закона Господня, на пользу души же и тѣла; отъ безумныхъ же и неподобныхъ словесъ всячески ошаятися» [4]). Совершенно въ томъ же духѣ дѣйствовалъ и ближайшій преемникъ Михаила—Леонтій.

---

[1]) Лавровскій, стр. 29.

[2]) Лавровскій, стр. 105. На это указываютъ и выраженія лѣтописцевъ: «*поимати* дѣти», «дѣти *отымати* у нарочитыхъ людей», «*взимати* младыя дѣти», то-есть, брать ихъ изъ домовъ родителей.

[3]) Лѣтопись Переяславская, по списку съ рукописи XIII в.

[4]) Степ. книга 1, стр. 143.

Допустивъ даже, что наказъ этотъ въ Степенной книгѣ представленъ въ нѣкоторомъ распространеніи, нельзя отрицать самаго факта,—для этого нѣтъ никакихъ основаній.

Въ этомъ открытіи первыхъ училищъ на Руси замѣчательнымъ образомъ выразились *главнѣйшія черты* ихъ послѣдующей исторіи и ихъ характеръ.

Прежде всего здѣсь является *единство власти* духовной и гражданской: митрополитъ совѣтуетъ, князь повелѣваетъ устроить училища.

Книжное ученіе народа *ввѣряется руководству и завѣдыванію духовенства.*

Духовенство является первыми, одинаково духовною и гражданскою властью признанными, *учителями.*

Училища имѣютъ *церковный* характеръ. Они учреждаются «на утвержденіе вѣры».

Они являются не *учебными* только, но и *воспитательными* учрежденіями: дѣти обучаются «словесѣмъ книжнаго разума», но главнымъ образомъ—«*правдѣ и любви и зачалу премудрости, страху Божію, чистотѣ и смиреномудрію*». Нельзя выразить сильнѣе воспитательныя задачи школы.

Въ основу дисциплины первыхъ нашихъ школъ положены были *евангельскія начала* кротости. Митрополитъ заповѣдуетъ учителямъ учить дѣтей «не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ», но *любовнымъ обычаемъ*, причемъ совѣтуетъ обращать вниманіе и на силы каждаго ученика, дабы не обременять работою сверхъ силъ.

Нѣкоторые историки (напр., Забѣлинъ) высказываютъ сомнѣнія въ такомъ характерѣ ученія первыхъ нашихъ школъ, но безъ достаточныхъ основаній. Приводимые ими примѣры воспитанія «жезломъ» и «розгою» относятся къ *позднѣйшему* времени, (преимущественно XV—XVI в.), на которое могла имѣть вліяніе и западная школа. Обстоятельства же школы временъ Владиміра были таковы, что именно требовали *кроткаго* обращенія съ дѣтьми. Народъ только-что принялъ новую вѣру; но родители еще «не бяху ся утвердили вѣрою»; матери плакали о дѣтяхъ, отдаваемыхъ въ школы, какъ по мертвыхъ; при этомъ суровость, «жестокость и гнѣвъ», могли вызвать въ дѣтяхъ страхъ, въ родителяхъ—озлобленіе, ненависть и даже сопротивленіе; дѣти могли и разбѣжаться изъ училищъ, вышла бы смута народная. Но ничего подобнаго не было. Быть можетъ, для того и собиралъ митрополитъ учителей, чтобы предупредить возможность недовольства школою, если бы въ ней стали обучать «гнѣвомъ и яростію». Въ своемъ наставленіи Владыка настойчиво предлагаетъ учителямъ заботиться о томъ, чтобы дѣти *не унывали,*—не тяготились ученіемъ, не тосковали въ школѣ. Совершенно такъ же поступалъ и Леонтій въ Ростовѣ, гдѣ встрѣтивъ закоренѣлыхъ стариковъ, язычниковъ, онъ ласково старался привлечь къ ученію дѣтей. Такимъ образомъ духъ христіанской кротости въ первыхъ нашихъ школахъ является совершенно естественнымъ и составлялъ одно изъ важнѣйшихъ условій успѣха ученія и привлеченія къ школѣ народа.

Наконецъ, въ извѣстіи лѣтописца мы находимъ указаніе и на *всеобщность* первой школы на Руси. Сказавъ, что Владиміръ началъ строить церкви по городамъ и селамъ, лѣтописецъ тотчасъ же продолжаетъ, что князь тогда же отправилъ во *всѣ* города и села особыхъ лицъ священнаго сана «попы ученые», которые бы, крестя и просвѣщая людей, собирали дѣтей у нарочитыхъ и простыхъ людей, «дѣтей *знатныхъ, среднихъ и убогихъ*» и отдавали ихъ ученіе книжное. Цер-

каждой церкви, конечно, были священники съ причтомъ,—они и были пе
учителями *по всѣмъ городамъ и селамъ*. Гдѣ была церковь, тамъ было и у
Вѣру святую принялъ *весь* народъ, *весь* народъ нуждался и въ просвѣ
Нужды церкви и нужды народа совпали. Для церкви необходимо было обез
постоянно полный составъ духовенства и притомъ изъ народа Русскаго; для
нужда была учиться книгамъ, въ которыхъ заключалась новая вѣра. П
естественно, что на Руси «устроены были многія училища».

Перейдемъ къ дальнѣйшимъ свидѣтельствамъ о нхъ учрежденіи. Въ Софі
лѣтописи подъ 1030 г. находимъ такой рядъ извѣстій: «Великій Князь Яр
Белзы взялъ. Того же лѣта родился Ярославу четвертый сынъ, и нарече ем
Всеволодъ. Того же лѣта иде князь Ярославъ на чюдь, и побѣди я, и п
градъ Юрьевъ: *и пріиде къ Новугороду, собра отъ старостъ и поповыхъ дѣ
т. (300) учити книгамъ*». Тоже извѣстіе занесено и въ Никоновскую лѣтопис
тверждается Карамзинымъ [1]) и другими историками, какъ извѣстіе несомнѣ

Фактъ учрежденія этого училища не подвергался сомнѣнію даже скепт
готовыми заподозрить Софійскую лѣтопись потому только, что она явил
позднихъ спискахъ (XV в.). Лавровскій пишетъ: «Въ пользу дѣйствител
распоряженія Ярослава говоритъ и самый характеръ извѣстія: краткость, про
неожиданность. Видно, что составитель самъ не находилъ въ этомъ событі
бенной важности, какъ бы случайно и тѣми же словами переписалъ ег
древнѣйшаго списка, помѣстивъ его (какъ то было, безъ сомнѣнія, и въ послѣ
среди другихъ событій» [2]).

Нѣкоторые писатели основаніе Новгородской школы ставятъ въ св
взятіемъ г. Бельза [3]) Ярославомъ, полагая, что оно «было вдохнуто ре
наблюдательностію Ярослава, желавшаго пересадить на Русскую почву и, разум
на Русскій ладъ, плоды просвѣщенія Польши, развитой въ то время болѣе,
Русь» [4]). Но Ярославъ былъ слишкомъ церковнымъ человѣкомъ, чтобы увле
Польскою новизною.

Гораздо справедливѣе сопоставить учрежденіе училища съ общею характе
кой Ярослава у лѣтописца. «И бѣ Ярославъ—свидѣтельствуетъ лѣтописецъ—к
прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне, *и собра письцѣ многы, и п
даше отъ Грекъ на Словѣньское писмо и писаша книгы многы*, и списка, и
поучашеся вѣрніи людье, наслажатся ученья божественнаго».

Самъ же лѣтописецъ ставитъ просвѣтительную дѣятельность Яросла
связь съ дѣятельностію св. Владиміра. «Якоже бо се нѣкто землю разоретъ,
же насѣетъ, ини же пожинають и ядять пищю бескудну, тако и сь: от
сего, Володимеръ, взорà и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ; сь же (Яр
насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье
люще книжное».

Мудрый сынъ продолжалъ великое дѣло славнаго отца.

Слѣдуетъ замѣтить, что и до Ярослава въ Новгородѣ уже *было уч*
Подъ тѣмъ же 1030 г. въ Новгородской лѣтописи отмѣчено: «Преставися
новгородскій (епископъ), и бяше *ученикъ* его Ефремъ, *иже ны* (т. е. лѣт

[1]) Ист. Госуд. Рос. II, стр. 23.
[2]) *Лавровскій*, стр. 24.
[3]) Бельзъ—г. въ Червонной Руси, въ Мазовіи; нынѣ въ Холмской епархіи.
[4]) *Григорьевъ*, «Замѣтки о книжн. просв. Руси», см. у *Хмырова* стр. 61.

другими) *учаше»* [1]), а у Татищева добавлено—и «греческому языку» [2]). Отсюда ю, что въ Новгородѣ было училище, въ немъ были ученики, и не одинъ, а угіе, изъ нихъ одинъ оказался уже настолько образованнымъ, что самъ обучалъ былъ лѣтописцемъ. Лавровскій высказываетъ справедливое предположеніе, что юла эта основана была Іоакимомъ, который «пріиде къ Новугороду, и требища юри, и Перуна посѣче и повелѣ въврещи въ Волховъ», а людей просвѣтилъ креніемъ, тогда же, вѣроятно, завелъ онъ и училище.

Поэтому Лавровскій и другіе изслѣдователи [3]) дѣлаютъ даже предположеніе, распоряженіе Ярослава имѣло цѣлію расширеніе курса и распространеніе уже ществовавшаго училища, которое должно было служить высшимъ разсадникомъ освѣщенія, на что отчасти указываетъ привлеченіе въ него дѣтей «нарочитой и» Новгородской—старостъ и духовенства.

Замѣчательно различіе лѣтописныхъ выраженій объ учрежденіи училищъ въ вѣ и Новгородѣ: Владиміръ «пославъ, *нача поимати»*, а Ярославъ—«*собра»*. чтъ, ученіе уже не внушало прежняго страха и, быть можетъ, сдѣлалось даже ебностью, особенно для такого города, каковъ былъ великій Новгородъ; а рочитая чадь» его, по самому своему положенію, даже нуждалась въ грамоти. Новгородъ имѣлъ обширнѣйшія внѣшнія сношенія, заключалъ договоры. ха Ярослава отмѣчена составленіемъ «Русской правды», «Устава о церковномъ ѣ», многими произведеніями духовной литературы. Для такихъ работъ надо о имѣть высокое образованіе, которое и давала школа Ярославова.

Дальнѣйшія мѣры Ярослава на пользу просвѣщенія народа показываютъ въ ѣ человѣка замѣчательнаго ума и энергіи, великаго преобразователя. Лѣтописецъ етъ, что Ярославъ «любимъ бѣ книгамъ, *многи написавъ*, (списавъ), *положи* церкви Св. Софьи, юже созда самъ», то-есть, основалъ обширную *библіотеку* общаго пользованія. Далѣе говорится: «И ины церкви ставляше по градомъ и мѣстомъ, поставляя попы и *дая имъ отъ имѣнія своего урокъ, веля имъ учити и*, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ» [4]). есть, Ярославъ, вмѣнивъ священникамъ въ обязанность быть учителями въ ковныхъ школахъ, назначилъ въ вознагражденіе за трудъ обученія особый адъ изъ собственныхъ великокняжескихъ доходовъ.

Карамзинъ говоритъ: «опредѣливъ изъ казны своей достаточное содержаніе еямъ, Ярославъ умножилъ число ихъ *во всѣхъ* городахъ и предписалъ имъ учить ыхъ христіанъ, образовать умъ и нравственность людей грубыхъ». Въ какихъ енно городахъ основаны были училища, неизвѣстно. Приходится обращаться къ угимъ мѣстамъ лѣтописей, къ другимъ источникамъ. Такъ есть несомнѣнныя дѣтельства, что училище было въ Курскѣ.

Въ житіи преп. Θеодосія читаемъ: «Въ томъ градѣ *(Курскѣ)* растый отрокъ юмъ, растяше и духомъ, въ премудрости и любви Божіей. Ибо моляше самъ ителей своихъ, *да дадутъ его въ наученіе божественныхъ книгъ,* якоже и сотвориша: вскорѣ изучися всему божественному писанію, яко всѣмъ чюдитися о премудрости разумѣ и о *скоромъ его ученіи»* [5]). Изъ этого извѣстія ясно, что Θеодосій сначала

---

[1]) Новгор. II, 121.

[2]) *Татищ.* II, 105.

[3]) *Лавровскій*, стр. 35. *Хмыровъ*, 61 стр. *Григорьевъ*, въ «Эпохѣ» 1861 г., № 11.

[4]) Лаврент. лѣт., стр. 65.

[5]) Печ. патерикъ, л. 29, на обор.

воспитывался *дома* «въ премудрости и любви Божіей», потомъ, по его собствен просьбѣ, изъ дома родителей отданъ былъ «въ наученіе божественныхъ книгъ» *ученіе* его называется необыкновенно «скорымъ». Значитъ въ Курскѣ было учил гдѣ обучались *чтенію, разумѣнію* божественныхъ книгъ; надо полагать, и *писа* потомучто Θеодосій, писавшій посланія къ князьямъ (Святославу и Изясла очевидно, былъ наученъ и этому искусству. Да иначе и быть не могло, потому печатныхъ книгъ тогда еще не было и письмо служило помощію при обуч чтенію. Несторъ называетъ преп. Θеодосія «наставникомъ и учителемъ инок не только вѣрою, но и *разумомъ просвѣщеннымъ*». Поистинѣ училище, дав образованіе Θеодосію, могло хвалиться своимъ ученикомъ. Говоря о нравственн качествахъ Θеодосія въ дѣтствѣ, жизнеописатель его прибавляетъ: «покореніе и повиновеніе къто исповѣсть, еже стяжа въ ученіи своемъ, не тъкмо же къ *учит* своему, но и *къ всѣмъ учащіимъся*». Значитъ, училище, гдѣ обучался Θеодо было многолюдно. Способъ выраженія объ этомъ лѣтописца показываетъ, что мн людство училищъ было явленіемъ обычнымъ, иначе оно было бы отмѣчено, к нѣчто особенное.

Къ тому же времени относятся извѣстія объ учрежденіи въ Кіевѣ женск училища княжною Анной, называемой также Янкою, дочерью Всеволода Ярослав Въ Степенной книгѣ пишется, что она постриглась въ женскомъ монастырѣ церкви св. Андрея (постр. В. К. Всеволодомъ), и собравъ при себѣ многихъ инок «пребывала во всякомъ благоговѣніи, постѣ и цѣломудріи, храня жестоко зак монашескій, и препровождая время въ *читаніи книгъ*», которому, надо полаг обучала и сестеръ. По словамъ Татищева, «собравши *младыхъ дѣвицъ*, Анна нѣкол *обучала ихъ писанію*, такожъ ремесламъ, *пѣнію, швенію* и инымъ полезнымъ *ремесламъ*» [1]). Извѣстіе это замѣчательно. Оказывается, что въ Кіевѣ было осно женское училище, когда въ Западной Европѣ объ образованіи женщинъ еще помышляли. Кн. Анна была женщина образованная. Для ознакомленія съ уст ствомъ женскихъ обителей она посѣтила Цареградъ, откуда привезла митропол преемника Іоанну II-му. Въ монастырѣ прожила она 26 лѣтъ и скончалась въ 11

О Евфросиніи, княжнѣ Полоцкой, въ Степенной книгѣ пишется: «Случи ж дѣвицѣ сей *ученъ быти книжному писанію*, еще не достигше ей въ соверш возрастъ тѣлеснаго естества, еже молитвы плодъ, и толма бысть любящи *уч* якоже чюдитися отцу ея о толицѣ любви ученію ея» [2]). Ставъ настоятельн основаннаго ею (1119—28 г.) женскаго монастыря, она упросила отца своего о стить къ ней сестру ея Гордиславу *учиться грамотѣ*. Подобно Янкѣ, она обу и сестеръ монастыря, что видно изъ рѣчи Евфросиніи (по Степенной же кн къ инокинямъ: «Азъ веселымъ сердцемъ подвизаюся *учити* васъ, видящи *т ваша трудныя*, и толикъ дождь проливаю вамъ *ученіемъ*». Она также путешеств по св. мѣстамъ, была въ Константинополѣ и въ Іерусалимѣ, гдѣ скончалась (117 и погребена была въ Русской обители пр. Θеодосія [3]).

Ярославъ Владиміровичъ, король *Галицкій*, прозванный современниками О смысломъ, слѣдовалъ примѣру Ярослава Мудраго и заводилъ многія училища своей области. Этотъ государь отличался высокимъ образованіемъ, любилъ чт

---

[1]) *Татищ.* II, 138.

[2]) Ст. кн. стр. 270.

[3]) Тѣло ея впослѣдствіи было перенесено въ Печерскій монастырь, гдѣ нетлѣнно почив и донынѣ.

нигъ, заботился о благоустроеніи церквей и церковнаго чина, «былъ мудръ и рѣченъ языкомъ и богобоязливъ, разстроилъ (устроилъ) землю свою, любилъ черноризцевъ». «Самъ приходилъ къ церковному чину и строилъ добрѣ» [1]). О немъ Татищевъ сообщаетъ такое лѣтописное извѣстіе: «изученъ былъ (Ярославъ) языкамъ, многія книги читалъ, въ церковномъ чинѣ много исправлялъ и клиросъ строя и наставляя, зловѣріе искоренялъ, а мудрости и правой вѣрѣ наставлялъ, и *чить понуждалъ*, монаховъ же и съ ихъ доходы *къ наученію дѣтей опредѣлилъ* [2]).

Устроителемъ школъ въ области *Владимірской* является Константинъ Всеволодовичъ, просвѣщеннѣйшій и благочестивѣйшій князь, устроитель церквей, любитель книгъ и образованія. «Такъ бѣ блаженный св. князь правдивъ, щедръ, кротокъ, смѣренъ, всѣхъ милуя всѣхъ набдя, паче же всего дивную любя и славную милостыню и церковное строенье, и о томъ пекыйся день и нощь; велми о печашеся о созданіи прекрасныхъ Божіихъ церквей, *исполняя книгами* и всями украшеніи.—Часто бо *чтяше книгы*, и творяше по писаному» [3]). Несомнѣнно то онъ основывалъ училища. По случаю пожара церкви св. Михаила въ 1227 г. лѣтописецъ пишетъ, что «при ней трудились *иноки русскіе и греки учаще младенцевъ*. И погорѣли *книги многи*, собранные симъ Константиномъ мудрымъ» [4]). Какъ велика была его заботливость объ этомъ училищѣ, можно видѣть изъ завѣщанія кн. Константина, гдѣ пишется, что «домъ же свой и книги вся *въ училище* по себѣ опредѣлилъ, и къ тому *на содержаніе не малыя* волости далъ, о чемъ просилъ брата Юрія, дабы обѣщалъ непоколебимо завѣтъ его сохранить, который съ великою жалостію и множествомъ слезъ оное утвердилъ» [5]). Можно полагать, что обширное и обезпеченное въ содержаніи училище, гдѣ обучали дѣтей иноки русскіе и Греки, съ большею библіотекой, было училищемъ центральнымъ для Владимірской области, съ расширеннымъ курсомъ ученія, какъ Ярославово Софійское.

Отправляя своихъ дѣтей, Василька и Всеволода, на княженіе въ Ростовъ и Ярославль еще малолѣтними, Константинъ «наипаче о нихъ печалился и по часту посылалъ бояръ надзирать въ ихъ *ученіи* и содержаніи». Слѣдовательно, и тамъ книжное ученіе существовало и, конечно, покровительствовалось княземъ.

О просвѣтительной дѣятельности Романа Ростиславовича, кн. Смоленскаго († 1180 г.), Татищевъ передаетъ такое извѣстіе: «Онъ былъ вельми ученъ всякихъ наукъ—и *къ ученію многихъ людей понуждалъ, устроя на то училища* и *учителей*, грековъ и латинистовъ, *своею казною содержалъ*, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ; и такъ на оное имѣніе свое истощалъ, что на погребеніе его принуждены были Смольяне сребро и купы давать по изволенію каждаго» [6]).

Слѣдуетъ замѣтить, что Смоленская епископія была окончательно утверждена въ 1150 г. (первое учрежденіе каѳедры относятъ къ Владиміру Мономаху, но изъ уставной грамоты Смоленскаго князя видно, что «здѣ первѣе сего (1150 г.) не бывало епископьи»). Такимъ образомъ въ Смоленскѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, съ учрежденіемъ епископіи, при поддержкѣ князя, училища заводились по *всей* области·

[1]) Полн. собр. лѣт. II, 135. Кіевск. лѣт.
[2]) Татищ. II, 280.
[3]) Лавровскій. Лѣт. стр. 187—188.
[4]) *Татищ.* II, 446 стр.
[5]) *Татищ.* II, 416.
[6]) *Татищевъ* II, 239. Смотри у *Лавровскаго* обстоятельное доказательство вѣрности этого извѣстія—стр. 41 и далѣе.

Учрежденіе епископій на Руси, совершившееся при Леонтіѣ І-мъ (992 г имѣло важное вліяніе на распространеніе училищъ и на ихъ благоустройство. П каждой епископіи было училище, подъ надзоромъ и руководствомъ архіерея подававшихъ примѣръ своей паствѣ. О Ростовскомъ епископѣ Леонтіи пишет «Святый же Леонтій пріиде въ Ростовъ и видѣ люди, состарѣвшіеся въ невѣрія, остави старые люди, младенцы же ко церкви призываше и сладостно кутіею к мяше ихъ и благочестію учаше и крестяше ихъ» [1]).

Наши первые митрополиты и епископы были люди высокаго образованія, р кихъ дарованій; они были устроителями и руководителями книжнаго ученія Руси. Кромѣ любви къ образованію, къ этому побуждалъ ихъ долгъ и прям интересы церкви.

Въ первую эпоху, кромѣ древнѣйшихъ епархій *Новгородской, Ростовско Черниговской, Бѣлгородской, Владимірской* на Волыни, во второй половинѣ XI были извѣстны: *Тьмутараканская* (ок. 1068), *Переяславская* и *Юрьевская* (107 затѣмъ—*Полоцкая* (ок. 1105), *Туровская* (1114), *Смоленская* (1137), *Галицк* (1157), *Рязанская* (ок. 1207), *Владимірская* на Клязьмѣ (1215) и *Угровская* (пре нашествіемъ татаръ) [2]).

Эти пятнадцать епархій были центрами «книжнаго ученія» и широко охват вали древнюю Русь.

Но сюда слѣдуетъ присоединить наши *монастыри*.

Монастыри явились на Руси рано. Съ вѣрой Христовой, говоритъ Иларіо «монастыреви на горахъ сташа, черноризцы явишася». Въ До-Монгольскую эпо монастырей было на Руси не мало. Въ Кіевѣ ихъ было 14, въ Новгородѣ до 20-т а всѣхъ считается свыше 50-ти [3]).

Монастыри же были первыми училищами вѣры и *распространителями кни наго ученія.*

Сюда стекались избранники, проникнутые духомъ Христова ученія. Это бы *«свѣтила*, сіявшія на всю Русь», по выраженію Нестора. Время проводилось молитвѣ, въ трудѣ, въ «книжномъ почитаньи». Подвижники монастырей, пропов дывавшіе словомъ и дѣломъ святое ученіе, представляли народу высшіе идеа имѣли вліяніе на него своими совѣтами, молитвами, примѣрами. Поистинѣ на древніе монастыри, говоря словами Погодина, «представляли лучшую, свѣтлую ст рону Русской жизни и дорогое достояніе отечественной исторіи». Особенно пр славилась Печерская обитель Кіева своими подвижниками и своимъ великимъ нра ственнымъ вліяніемъ на Русскую жизнь,—вліяніе это продолжается и доселѣ.

«Изъ Печерскаго монастыря, говоритъ Погодинъ, разносилось *образованіе* областямъ Русскимъ съ епископами, назначаемыми изъ иноковъ, и всякая нов епархія дѣлалась новымъ учебнымъ округомъ, новый монастырь—гимназіей, нов церковь—народнымъ училищемъ» [4]). Вотъ почему строеніе церквей, учрежде

[1]) Став. книг. стр. 153. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что слово *учить* въ старыхъ руко сяхъ употреблялось и въ смыслѣ проповѣданія, назиданія, поученія (см. у Лавровскаго стр. 33); этомъ смыслѣ и люди и книги назывались *учительными*. Напр. о Кириллѣ, м. Кіевскомъ, пишет что онъ бѣ «учителенъ зѣло и хытръ ко ученію божественныхъ книгъ». Наименованіе отдѣла у *тельныхъ* книгъ св. писанія (Псалтирь, притчи Соломона, Эклесіастъ) сохранилось доселѣ.

[2]) См. *Погодина*, Др. Ист., стр. 549.

[3]) См. перечень монастырей, съ указаніемъ времени ихъ основанія, у *Погодина*, Др. Р. И II, 574 и дал.

[4]) *Погодинъ*, Др. Р. Ист., II, 661.

монастырей, столь тщательно записанное нашими лѣтописцами, должно занимать мѣсто и въ исторіи нашихъ училищъ. Каждый монастырь самъ по себѣ былъ *училищемъ*, пріютомъ грамотности; каждый создавалъ учителей и вызывалъ устройство новыхъ школъ; здѣсь изготовлялись книги, столь цѣнныя въ тѣ времена и необходимыя для просвѣщенія.

Пр. Ѳеодосій, игуменъ Кіево-Печерскаго монастыря, такъ выразилъ иноческія обязанности: «Иноку надлежитъ быть бодрымъ на *пѣнье* церковное, на *преданія* отеческія и на *почитаніе книжное*, имѣть любовь и наказанье (назиданіе) къ меньшимъ, повиновеніе къ старшимъ». Такимъ образомъ *грамота* и *пѣніе* являлись какъ бы обязательными для инока. Тѣмъ же просвѣтительнымъ вліяніемъ отличались и женскіе монастыри, гдѣ дѣйствовали Янка и Евфросинія, что засвидѣтельствовано лѣтописями; тѣмъ же духомъ жили и другія обители. Не забудемъ, что въ тяжкую эпоху ига Монгольскаго *монастыри спасли намъ образованіе*.

Высокое значеніе монастырей привлекало къ нимъ князей и народъ, располагало ихъ къ пожертвованіямъ, которыми монастыри пользовались на благо русской земли. Такъ Ярославъ Изяславовичъ «вда имъ всю жизнь свою Небольскую волость и Деревьвьскую и Лучскую и около Кіева». Кн. Глѣбъ «вда въ животѣ своемъ съ княгинею, 60 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота» (гривна равнялась фунту металла). Мстиславъ Владиміровичъ предоставилъ монастырямъ даже свою дань. Каждый монастырь былъ *школою*, но каждый монастырь былъ и прибѣжищемъ сиротъ, питателемъ бѣдныхъ, пріютомъ для немощныхъ. Здѣсь народъ православный учился вѣрѣ, учился всякому добру и «книжному почитанію». Сюда стремились лучшія духовныя силы народа, избранники его, становившіеся потомъ его *учителями*. Только при этомъ значеніи монастырей мы и можемъ объяснить то обстоятельство, что при удивительно быстромъ распространеніи на Руси училищъ лѣтописцы *нигдѣ не заявляютъ о недостаткѣ учителей*.

При самомъ утвержденіи на Руси христіанства, по свидѣтельству Степенной книги, пожертвованія были не только на церковное строеніе, но и «*возраста ради сиротъ*». Въ уставѣ св. Владиміра о церковныхъ десятинахъ упоминаются при монастыряхъ и церквахъ гостинницы, страннопріимницы; митрополиты заповѣдывали монастырямъ, «сироты держати», и всѣхъ убѣждали, «вдовицъ и сиротъ, и полонянниковъ и странныхъ миловати и призирати».

Это обстоятельство приводитъ насъ къ нѣкоторымъ соображеніямъ. Если при монастыряхъ призрѣвались *сироты*, жили тамъ, то не можетъ быть, чтобы они только питались,—это было бы не въ духѣ монастырей нашихъ. Съ полною вѣроятностію можно предположить, что дѣти-сироты и *обучались*. Ихъ прежде всего наставляли въ православной вѣрѣ, учили всему, что полезно для спасенія и нужно всякому христіанину; а способнѣйшіе по крайней мѣрѣ *вдавались* и *книжному ученію*, дабы сдѣлать ихъ участниками монастырскаго богослуженія. Быть можетъ, изъ этихъ сиротъ иные оставались въ монастырѣ иноками. Были случаи, что и взрослые, поступивъ въ монастырь безграмотными, дѣлались людьми «книжными», а тѣмъ болѣе это естественно относительно сиротъ-дѣтей, предоставленныхъ вполнѣ заботамъ и отвѣтственности иноковъ.

Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго; напротивъ, оно подтверждается даже практикою монастырей нашего времени. Лавровскій находитъ, что наши древнія страннопріимницы при монастыряхъ соотвѣтствуютъ Византійскимъ *ксенодохіямъ*, гдѣ «по закону христіанскому совершалось образованіе и вос-

питаніе дѣтей»; обязанность монастырей кормить и содержать сиротъ соо ствуетъ греческой *орфанотрофіи*, это были сиротскія учебно-воспитате заведенія, которыя пользовались общимъ сочувствіемъ и почетомъ.

«Какъ не быть этимъ пристанищамъ сиротъ, пишетъ онъ, тамъ, гдѣ стіанство вдругъ появилась въ полномъ цвѣтѣ, гдѣ благотворительность, съ пе годовъ его водворенія, еще въ лицѣ Владиміра, искала простора и силилась собою все новопросвѣщенное общество, куда всѣ христіанскія учреждені полномъ своемъ составѣ, перенесены были изъ православной Византіи» [1]).

Предположенія вѣроятныя. Существованіе призрѣнія сиротъ при *монаст* является несомнѣннымъ уже потому, что это призрѣніе изъ глубины вѣковъ нилось во многихъ обителяхъ доселѣ. Оно входило въ уставы обителей по виламъ Василія Великаго, которыя строго сохранялись въ нашихъ древнихъ мо ряхъ, подобно тому, какъ призрѣніе при церквахъ составляло обязанность *при* и вытекало какъ изъ церковныхъ предписаній, изъ духа самаго христіа заповѣдующаго творить дѣла милости духовной и тѣлесной, такъ и изъ наро обычаевъ, изъ общиннаго начала сельской жизни.

Такимъ образомъ лѣтописныя свидѣтельства объ учрежденіи училиш Руси хотя и скудны, но достаточны для убѣжденія въ широкомъ распростр книжнаго образованія на Руси, вмѣстѣ съ христіанствомъ. Изъ лѣтописных дѣтельствъ одни прямо говорятъ объ учрежденіи училищъ въ городахъ, как Кіевъ, Новгородъ, Курскъ, Смоленскъ, Владиміръ; другія говорятъ о мѣра учрежденію училищъ по областямъ, или вѣрнѣе—епископіямъ; иныя прост зываютъ на распространеніе обученія первоначальнаго. А такъ какъ училища у дались преимущественно при епископіяхъ [2]), монастыри же, весьма многочисле несомнѣнно были пріютами книжнаго ученія, то, соображая совокупность денныхъ свидѣтельствъ, слѣдуетъ признать несомнѣннымъ, что училища въ п періодъ ихъ существованія раскинуты были на Руси повсемѣстно.

Мы еще болѣе въ этомъ убѣдимся, ознакомившись съ устроителями учи и ихъ руководителями.

III. Устроители древне-русскихъ училищъ.

Устроителями первыхъ училищъ на Руси являются наши князья; по важно опредѣлить, насколько они были *образованы* и какой *характер* это образованіе,—то и другое должно было имѣть несомнѣнное вліяніе на у даемыя князьями школы.

О *Владимірѣ* св. лѣтописецъ сообщаетъ, что онъ еще до крещенія былъ знакомъ съ христіанскимъ ученіемъ и имѣлъ бесѣду о вѣрѣ, о пра судѣ съ греческимъ проповѣдникомъ (986 г.); послѣ крещенія Владиміръ наставляемъ въ истинахъ вѣры греческимъ духовенствомъ [3]). Онъ «зѣло лю

---

[1]) *Лавровскій*, стр. 62 и слѣд. Здѣсь приводится мнѣніе объ этихъ учрежденіяхъ Дю

[2]) «Какъ показываютъ источники, народной школой въ древней Руси служили *дома церковныхъ властей и учрежденій*». (*Леонтовичъ*, стр. 12). Стоглавъ, который не вводилъ новаго, но желалъ возстановить старину, обязывалъ церковный клиръ «учинити *въ домѣхъ* учи чтобы всѣ православные христіане давали дѣтей своихъ въ наученіе». Такъ было при Влади Ярославѣ, такъ хотѣлось отцамъ собора устроить и въ позднѣйшее время.

[3]) Лавр. лѣт. Полн. Собр. Лѣт. I, 36—45, 51.

Венгерскій и Польскій—по близкому сосѣдству и свойству съ сими областями[1], а болѣе всего—по любознательности и любви къ наукѣ.

Сыновья Мономаха любили образованіе: памятникомъ просвѣтительной дѣятельности Мстислава служитъ извѣстное «Мстиславово» Евангеліе, а объ Ярополкѣ лѣтописецъ пишетъ, что онъ былъ «Христолюбивъ и человѣколюбивъ, и любя прочитаніе божественныхъ словесъ и почитая епископы, пресвитеры и мнихи, много бесѣдоваше наслаждашеся въ духовныхъ словесѣхъ»[2].

Святославъ Давидовичъ Черниговскій, въ иночествѣ Николай (прозваніемъ Святоша), подобно просвѣщенному дѣду своему Святославу (кн. Черниговскій, потомъ в. кн. Кіевскій), любилъ книги, собиралъ ихъ и библіотеку свою подарилъ Печерской обители. По его просьбѣ инокъ Ѳеодосій перевелъ «догматическое посланіе св. Льва, папы Римскаго, въ обличеніе ереси Евтихія»[3]. Владиміръ Волынскій, сынъ Василья Романовича, даже у западныхъ писателей извѣстенъ былъ подъ именемъ «Философа» за свою ученость и образованіе.

Объ Андреѣ Боголюбскомъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ: «божественному писанію зѣло прилежаше». «Онъ былъ усердный строитель церквей и школъ.

Константинъ Всев. Владимірскій, воспитанный праведнымъ отцемъ своимъ «въ наказаніи, въ разумѣ свершенѣ, даже и до мужъства», изжилъ свою недолгую жизнь (33 г.), «всѣхъ умудряя тѣлесными и духовными бесѣдами; часто бо чтяше книгы и творяше все по писаному», а передъ смертью (1219) «домъ свой и книги вся» передалъ на школы[4]. Замѣчательно завѣщаніе Константина Всеволодовича къ дѣтямъ Васильку и Всеволоду. Въ немъ выражается истинно христіанскій взглядъ на нравственныя обязанности князя. «Возлюбленнѣи мои чадѣ! Будита межи собою въ любви, Бога бойтася всею душею, заповѣди Его во всемъ соблюдающа, и моя нравы не воспріимѣте, яже мя видѣша творяща: нищихъ и вдовицъ не презрита, церкви не отлучайтася, іерейскый и мнишьскый чинъ любита, и *книжнаго поученья слушайта*, и будита въ любви межи собою, и Богъ мира буди съ вама».

Объ образованіи кн. Анны и Евфросиніи было уже сказано. О Евфросиніи говорится, что она «толма бысть любящи ученіе, яко же чудитися отцу ея о толицѣ любви ученію ея»[5]. Она сама «нача книгы писати своима рукама». Обѣ княжны были устроительницами женскихъ училищъ.

Вообще образованность нашихъ князей-христіанъ въ этомъ періодѣ составляетъ выдающееся явленіе нашей исторіи, имѣвшее несомнѣнно благотворное вліяніе на устроеніе училищъ. «Изъ показаній лѣтописцевъ, замѣчаетъ одинъ изслѣдователь, можно видѣть, что книжное ученіе сдѣлалось для князей потребностью, такъ-сказать завѣтомъ отъ отца къ сыну: сыновья наслѣдовали отъ родителей любовь къ книгамъ и учили своихъ дѣтей; эти послѣдніе заботились о книжномъ наставленіи своихъ сыновей»[6].

Кириллъ Туровскій замѣчаетъ: «міра сего властители, иже въ житейскихъ вещѣхъ труждаются, *прилежно требуютъ книжнаго почитанія*».

---

[1]) См. *Татищевъ*, Ист. Рос. II, стр. 107.

[2]) Никон. Лѣт. II, 77.

[3]) Посланіе это напечатано въ Чт. Общ. Ист. и др. Рос., 1848 г., № 7.

[4]) Лавр. Лѣт., стр. 185.

[5]) Степ. кн. 1, стр. 270.

[6]) *Н. Б—въ*, «Участіе правит. въ дѣлѣ нар. образованія до Петра В.»

Для изображенія *характера* образованія нашихъ князей приведемъ разсказъ [...]стора о книжномъ ученіи св. Бориса и Глѣба и ихъ домашнихъ занятіяхъ. «Пусти [...] благовѣрный князь сыны своя когождо на свою область самъ, а святу сею [...]риса и Глѣба оу себе держащю, занеже единаче дѣтеска бѣста. бѣ же Глѣбъ велми [...]тескъ, а умъ старъ. а блаженный Борисъ въ разумъ сы исполнь благодати божія [...]маше бо *книгъ* и *чтяше.* бяше бо и *грамотѣ изоученъ. чтяше же житія и оу-[...]нія святыхъ.* и глаголаше моляся со слезами. сице же ему молящася по вси [...]сы, а святы Глѣбъ *послушаше* его. Сѣдя *и не отлучашеся* отъ блаженнаго Бориса. [...] съ нимъ *день и ночь послушаше его»* [1]).

Какою свѣжестью вѣетъ эта картина домашней жизни нашихъ князей еще въ [...]чалѣ XI вѣка. Старшій братъ читаетъ свящ. книги, младшій, еще малютка, [...] умъ старъ», слушаетъ неотступно это чтеніе, находитъ въ немъ наслажденіе.

Князья любили монастыри, иноковъ, чтили духовный чинъ. Нѣкоторые князья [...] княгини принимали иноческій чинъ, а иные даже схиму. Такъ Никола Святоша [...] браннаго поля, становится придверникомъ монастырскимъ и несетъ тяжкія по-[...]ушанія. Игорь Ольговичъ, (1146), плѣненный и больной, говоритъ своему счаст-[...]вому сопернику (Изяславу Мстиславовичу): «се боленъ есмь велми, и прошу у [...]бѣ постриженія, была бо ми мысль на постриженіе еще въ княженіи своемъ». [...] онъ «пострижеся—въ скиму.» Великій князь Ростиславъ (1168) просилъ Поли-[...]рпа о постриженіи въ Печерскомъ монастырѣ. Великій князь Святославъ (1194), [...]мирая, «веля ся постричи въ черньци». Мстиславъ Удалой принялъ предъ смертію [...]химу (1228).

Анна, дочь Всеволода (Янка), была настоятельницей женскаго монастыря при [...]еркви св. Андрея, гдѣ и учила дѣтей (1186). Сестра ея Евпраксія (1106), будучи уже [...]довою Германскаго императора Генриха IV, постриглась въ монастырѣ. Монаше-[...]тво приняли жена Давида Ростиславича Смоленскаго, жена Всеволода Георгіевича [...]уздальскаго, в. кн. Всеволожая, Марія (1206).

Нѣтъ нужды доказывать, что образованіе нашихъ князей было религіозное; [...]о-то и дѣлало ихъ людьми великихъ доблестей, свѣтлаго ума, высокаго патріо-[...]изма; вырабатывало изъ нихъ «страдальцевъ за русскую землю,» покровителей [...]росвѣщенія, устроителей школъ.

Исторія во всемъ мірѣ не представляетъ намъ ничего подобнаго. Русь является [...] всемъ *особенною.* Особеннымъ способомъ *приняла* она христіанство, особеннымъ [...]особомъ *развила* въ себѣ *просвѣщеніе* и устроила школы. Во всемъ свобода духа, [...]динство, согласіе князей и народа. Это единство истекало *изъ церкви,* ею освяща-[...]сь, на ней утверждалось, въ ней черпало силу.

Церковная и гражданская власть въ дѣлѣ просвѣщенія дѣйствовали вполнѣ [...]динодушно. Князья были ревностными устроителями училищъ. Этимъ и объяс-[...]ется быстрое и повсемѣстное распространеніе ихъ на Руси въ первый періодъ.

IV. Кто завѣдывалъ и руководилъ школами.

Изъ единогласнаго свидѣтельства лѣтописей ясно видно, что образованіемъ на [...]уси руководило и завѣдывало *духовенство* [2]). Школы являлись вмѣстѣ съ церко-

[1]) Изв. Ак. наукъ, т. II, стр. 211. Ср. у *Лавровскаго*, стр. 58.

[2]) Пр. Леонтовичъ замѣчаетъ: «какъ видно изъ лѣтописей и другихъ источниковъ, въ теченіе [...]й древней исторіи школьное дѣло на Руси стояло *безъ перерыва* подъ болѣе или менѣе дѣятель-

вію, учреждались преимущественно при епископіяхъ. Князья, устроители цер[кви и] школъ, посылали «попы ученые» для просвѣщенія народа свѣтомъ вѣры и к[ниж]нымъ ученіемъ. Они и причты церковные учили въ школахъ, они ими завѣд[ывали] и руководили. Ни о какихъ другихъ учителяхъ лѣтописныя и другія свидѣ[тель]ства не говорятъ даже намекомъ; да негдѣ было и взять другихъ учителей въ [то] вое время, когда еще грамотность на Руси только заводилась и духовный [чинъ] являлся единственнымъ представителемъ образованности. Само духовенство с[мот]рѣло на себя, какъ на главное орудіе образованія, считало просвѣщеніе на[род]устное и книжное, своею обязанностію, выполненіемъ долга и призванія. Его [не]посредственному вѣдѣнію ввѣрена была вся нравственная жизнь народа, кот[орая] служитъ основаніемъ и другихъ его явленій. Просвѣтительное значеніе духовен[ства] признавалось всѣми, начиная съ князя. Всѣ другіе сословія имѣли свои обяза[нно]сти—охраненіе внутренняго порядка, защиту земли отъ внѣшнихъ враговъ, уп[рав]леніе, судъ, торговлю, сборы налоговъ и дани, земледѣліе; духовенство же приз[вано] было служить церкви и просвѣщенію народа; это было его *право* и его *обязанно[сть]*, которую оно несло съ самоотверженіемъ, съ сознаніемъ важной отвѣтственн[ости] предъ судомъ не человѣческимъ, но Божіимъ. И оно *учило*—всѣхъ въ *церк[ви]*, малыхъ дѣтей—въ *училищахъ*. Здѣсь было высокое его значеніе, которое опредѣ[ляло] вліяніе духовенства на народную жизнь и на послѣдующее время. «Если явленія жизни вытекаютъ изъ нравственныхъ побужденій, а эти послѣднія, при [по]средствѣ вѣры и образованія, возникали, укрѣплялись и развивались подъ непос[ред]ственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ духовенства, то, очевидно, его вл[іяніе] должно было проникать во всѣ стихіи общественной и частной жизни. И духо[вен]ство не могло не сознавать, а правительство и народъ не могли не признават[ь за] нимъ этого обширнаго и могущественнаго вліянія. Въ этомъ сознаніи и въ э[томъ] признаніи кроются причины, почему наши пастыри церкви, какъ власть имѣв[шіе], являлись и на политическомъ, и на военномъ и гражданскомъ поприщахъ» Въ этомъ сознаніи митрополитъ Никифоръ такъ положительно говоритъ вели[кому] князю, склоняя его на миръ: «княже, мы есмы *приставлены въ русской земл[ѣ отъ] Бога*».

Но замѣчательно при этомъ, что духовенство русское никогда не злоупот[реб]ляло своимъ вліяніемъ, не домогалось власти, не смѣшивало небеснаго съ земн[ымъ], политическаго съ церковнымъ, какъ то дѣлало духовенство западной церкви; [силу] своего нравственнаго вліянія наше духовенство всегда обращало на благо, на п[ользу] земли русской, на духовное просвѣщеніе народа,—въ этомъ его величайшая [за]слуга. Поэтому и церковь наша всегда стояла на недосягаемой высотѣ ея небес[наго] призванія.

Таковъ духъ истинно-православной церкви.

Черноризецъ Дуксъ говорилъ Іоанну, экзарху Болгарскому, «веля и мол[я] переложить учительскія сказанія, *попови чьто есть ино дѣло, развѣ ученья*[;] ельма же еси службу ту пріялъ, то и се ми нужда есть дѣлати». Такимъ обра[зомъ] ученіе составляетъ прямое и даже единственное занятіе духовнаго лица, — у[чи]

нымъ воздѣйствіемъ всѣхъ органовъ *церкви*, начиная съ высшихъ представителей церк[овной] власти и кончая низшими клириками—дьяконами и дьячками». Это «воздѣйствіе» (а по н[ашему] мнѣнію, исключительное руководство и завѣдываніе школами) духовенства «опредѣлялось мисс[іон]ской задачей русской школы». Шк. Впр., стр. II.

[1]) *Лавровскій*, стр. 99.

церкви, ученіе въ школѣ,—словесное и книжное. Такъ понимало свое назначеніе наше духовенство съ первыхъ поръ его возникновенія.

Слѣдуетъ замѣтить, что было бы совершенно неправильнымъ ограниченіе ятельности духовенства ученіемъ въ школѣ. «Книжное просвѣщеніе» это только *сть*, и притомъ малая, высокихъ обязанностей духовенства.

Апостолы, получивъ отъ Бога власть и право наученія всѣхъ языковъ, передали это право, по преемству, церковной іерархіи. Вселенскимъ соборомъ заповѣдано каждому пресвитеру, «да идетъ *учити отроковъ* и домочадцевъ, читая имъ жественное писаніе, ибо *для сего* и священство получилъ» (VII Вс. Соб., прав. X). о это учительство не преподаваніе школьное, а духовное просвѣщеніе вѣрою для асенія человѣка. «Книжное ученіе» въ школѣ *тогда только* составляетъ живую сть этого призванія пастырей, когда оно исходитъ *отъ церкви* и *ведетъ къ церкви*, гда оно посвящено чтенію слова жизни, которое «крѣпитъ умы», приготовляетъ спасенію.

Къ великому счастію Руси православной, наше первое книжное ученіе въ колахъ имѣло именно такой *характеръ* и такую *цѣль;* поэтому духовенство и является естественнымъ его *руководителемъ*, поэтому оно и трудилось съ самоотрженіемъ въ устроеніи школъ, исполняя свое призваніе [1]). Наша древняя школа отдѣлима отъ церкви: вмѣстѣ съ нею она явилась, отъ ней питалась, ея духомъ ла и въ ней черпала свою силу. Поэтому первыми разсадниками духовнаго освѣщенія Руси были *храмы;* школы же явились учрежденіями церкви.

Поэтому же, когда мы говоримъ о благотворномъ вліяніи школы нашей на родную жизнь, на воспитаніе народа, на укрѣпленіе въ немъ лучшихъ инстинквъ и смягченіе нравовъ, никогда не должно опускать изъ виду, что это соверла школа, *созданная и руководимая церковію.* Никакая школа въ мірѣ, какъ бы была она совершенна, сама по себѣ не можетъ совершить того, что совершаетъ рковь. Развѣ школа могла бы переродить цѣлый народъ, какъ это сдѣлала церовь православная! Св. Вѣра духовно просвѣтила и переродила народъ нашъ, исправила его нравы, установила новыя отношенія семейныя, общественныя, измѣнила о обычаи, пробудила въ немъ высшія потребности, соединила его въ одну семью, крѣпила его жизнь, его гражданскій строй, внесла въ него начало высшей правды, освѣтила его и сдѣлала православнымъ до дня Господня.

Картину этого именно просвѣщенія Руси изображаетъ св. Иларіонъ, митр. Іевскій, въ похвалѣ своей кн. Владиміру: «Пастуси словесныхъ овецъ Христовъ, ташя епископи, попове и діакони бескровную жертву възносяще; и весь клиросъ красиша въ лѣпоту и одѣшя святыя церкви. Апостольская труба и евангельскій омъ грады огласи... Монастыреве на горахъ сташя, черноризьци явишася; *мужи жены, маліи и велицій и вси людіе,* исполньше святыя церкви, въславиша аголюще» [2]).

Итакъ, школа не можетъ гордиться своими заслугами, какъ учрежденіе самоoятельное; если ею совершено много добраго и полезнаго народу Русскому, то

[1]) Что православное наше духовенство такъ именно и понимало свое призваніе, это можно дѣть изъ «святительскаго поученія» XIII в. (помѣщ. въ Русск. Истор. Библ., т. VI, стр. 108 и д.), пастырю придаются такіе эпитеты: «твоя имена многа и величественна по Господню словеси нятыхъ Его: свѣтъ міру, соль земли, врачь больнымъ, учитель, свѣтильникъ, око тѣлу; путь и рникъ, ключарь и дѣлатель, и строитель; воевода, судія и властитель, ангелъ Господень, труба ѣсная, отецъ братіи своей, Богу нудитель, міру молитвенникъ, апостольскій подобникъ».

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 190.

потому только, что она была учреждена церковію, при церкви, и руковод пастырями ея. Внѣ этой связи школа оставалась бы мертвою и безсильною. Н князья-устроители школъ понимали это и съ полнымъ довѣріемъ вручали пр щеніе народа духовенству, къ которому относились съ великимъ уваженіем Не забудемъ, что князья наши и свое образованіе получали отъ *духовенств*

Епископы являлись совѣтниками князей и ихъ руководителями въ д нравственнаго характера, церковныхъ и просвѣтительныхъ. Иларіонъ, въ по номъ словѣ св. Владиміру говоритъ: «Ты часто собираясь съ новыми отц шими епископами, *съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними,* какъ уст законъ христіанскій среди людей, недавно познавшихъ Господа». Извѣстно, первыя училища на Руси Владиміръ учредилъ «по совѣту митрополита» [2]).

Стояло ли духовенство, руководившее народнымъ образованіемъ и шко на высотѣ своего призванія? Исторія даетъ вполнѣ утвердительный отвѣтъ. первыхъ нашихъ митрополитовъ, *Михаила* [3]), *Леонтія, Иларіона* [4]) (перваг Русскихъ м.м.), *Іоанна* II-го [5]), *св. Ефрема* [6]), *Никифора* [7]), *Климента Смолят Кирилла,* говорятъ сами за себя. Изъ епископовъ прославились: *Лука Жид* поученіями и краснорѣчіемъ, *св. Никита*-затворникъ — святостію жизни, *св. фонтъ* — то же изъ Печерскихъ затворниковъ, извѣстенъ отвѣтами до Кирику, *свв. Илія, Стефанъ, Леонтій, Исаія,* еп. *Пахомій, Кириллъ* I-й и *Кириллъ* Туровскій (именуемый Россійскій Златоустъ), *Симонъ* Владимірскій, — это мужи высокаго образованія, рѣдкихъ нравственныхъ качествъ, учител заботливые о просвѣщеніи своихъ паствъ. Они оставили по себѣ обширную

---

[1]) Пр. Несторъ передаетъ трогательный разсказъ о томъ уваженіи, какимъ пользова Θеодосій у в. кн. Святослава Яросл., который прекращалъ даже веселье и пиры, когда къ нему угодникъ Божій. Замѣчателенъ и кроткій способъ убѣжденія, обращенный къ кня единъ отъ дній шедшю къ тому благууму богоносиууму отцу нашему Федосью, яко вниде идѣже бѣ Князь, сѣде; и се видѣ многыя играющя предъ нимь: овы гусельныя гласы другыя же органныя гласы поюще, инѣмъ пискы гласящіимъ; и тако всѣмъ играющіимъ и щіимся, яко же обычай есть предъ Князем. Блаженый же бѣ въкрай его сѣдяй и долу яко мало въсклонився, и рече къ тому: то будеть ли сице на ономь свѣтѣ? Таже ту абіе словомь Блаженнаго умилися, и мала прослезися; повелѣ тѣмъ престати. И оттолѣ аще ставляаше тыя играти, ти слышааше блаженнаго пришедша, то повелѣвааше тѣмъ прест таковы игры».

[2]) Митр. Никифоръ въ посланіи къ Мономаху, предлагая ему нѣкоторые совѣты и вленія, въ заключеніе пишетъ: «не огорчись, княже, словомъ моимъ и не подумай, чтобы ко мнѣ кто-либо опечаленный тобою и потому *я* написалъ тебѣ. Нѣтъ, *я* просто написалъ *напоминаніе*: ибо великія власти имѣютъ нужду и въ частомъ напоминаніи. Я всмѣлился тебѣ *потому, что уставъ церковный и правила требуютъ* въ настоящее время (время уд междоусобицъ) *говорить нѣчто полезное и князьямъ*».

[3]) Памятникомъ заботливости его объ училищахъ служитъ его наказъ учителямъ, п ный въ Степ. книгѣ.

[4]) Знаменитый проповѣдникъ, написавшій похвалу св. Владиміру.

[5]) Объ этомъ митрополитъ Несторъ пишетъ: «мужъ хитръ книгамъ и ученью, ми убогимъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому богату и убогу, смиренъ же и кротокъ и мол рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печальнаго, и сякаго не бысть прежде въ Руси, нем не будетъ сякъ».

[6]) Постриженникъ Печерскаго монастыря, для котораго и списалъ Студійскій уставъ.

[7]) Извѣстенъ своими посланіями Мономаху.

[8]) О Климентѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ такой книжникъ и философъ, как бывало на Руси. См. изслѣдованіе *Н. Никольскаго* «Климентъ Смолятичъ».

туру, свидѣтельствующую о ихъ высокихъ дарованіяхъ. Лѣтописи не сохранили, енъ скромныхъ труженниковъ-священниковъ, діаконовъ и клириковъ, трудившихся обученіи народа въ училищахъ; но находясь въ вѣдѣніи такихъ руководителей, въ тишинѣ и въ смиреніи усердно совершали свой подвигъ. Не слѣдуетъ ускать изъ виду, что и святители наши выходили изъ тѣхъ же школъ церковхъ и монастырскихъ, что здѣсь они получали *начатки* книжнаго ученія,—подкническая жизнь и церковь довершали ихъ образованіе и ставили на высоту ховную.

Итакъ мы видимъ, что строители нашихъ древнихъ школъ—князья, руковотели и учители школъ—духовенство, въ дѣлѣ просвѣщенія народа дѣйствовали нодушно, стремились къ одной высокой цѣли. Ни въ лѣтописяхъ, ни въ друхъ памятникахъ нѣтъ ни даже намека на какое-либо разногласіе ихъ въ святомъ ѣ просвѣщенія народнаго.

V. Школа и приходъ.

Мы должны обратить еще вниманіе на *общинное начало* Русской жизни, ѣющее важное значеніе въ распространеніи *христіанства* и *книжнаго ученія* на уси и выразившееся впослѣдствіи въ образованіи *прихода*, съ его функціями—тройства *школъ* и *благотворительности*.

Профессоръ Лешковъ говоритъ о Русской лѣтописи, что въ ней «одни святые ѣютъ житія; для однихъ государей возможны біографіи. Всѣ остальныя лица одятся въ лѣтопись какъ на судилище, для положенія приговора объ ихъ дѣйвіяхъ» [1]). Лѣтопись имѣетъ предметомъ *цѣлый народъ*, всю землю Русскую, а не стныя лица. Она и начинается вопросомъ: *Откуду есть пошла Русская земля.* сскій народъ свободно, самъ собою вырабатывалъ народное *единство.* Это единво Русскаго народа, вызванное и условленное однородностію его происхожденія, инаковостію его языка, сходствомъ обычаевъ, вѣрованій, образа жизни, способовъ адѣнія землею, служитъ основою всей его исторіи. Имъ объясняется скорость образанія изъ Руси одного политическаго цѣлаго, съ акта призванія перваго князя,—строта *повсемѣстнаго обращенія въ христіанство всего народа*, со дня крещенія въ водахъ Днѣпровскихъ; сознательное единство всей Русской земли, и соненіе Руси въ періодъ удѣловъ, и въ тяжелую годину Татарскаго ига, и далѣе—ѣшность собирательной системы Московскихъ князей, послужившей основою нѣшнему Русскому царству [2]).

Благодаря этому началу, общинность съ первыхъ же поръ превращаетъ единю этнографическое въ земское. Всякое поселеніе составляетъ *общину*, которая подствуетъ надъ своею землею и отдѣльными членами, обязанными нести всѣ оты общины.

Для названія общинъ въ древней Руси существовали имена: *вервь, городъ, ръ, село, погостъ.*

Вервь представляется первою земельною (географическою) общиною. Обладая ѣстнымъ пространствомъ земли, жители верви въ иныхъ случаяхъ обязаны были

---

[1]) *Лешковъ,* Ист. Р. обществ. права до XVIII в., стр. 91.
[2]) *Лешковъ*, стр. 93.

даже круговою порукою [1]). Вервь обнимала собою села, торги и города, нахо-
шіеся на ея территоріи.

Позднѣе, великою княгинею Ольгой установлены *погосты* [2]).

Новгородскіе *погосты*, можно полагать, представляли для сѣверныхъ Сла[...] тоже дѣленіе земли, какое въ Псковскихъ земляхъ называлось губою, а въ южн[...] въ древнѣйшія времена, представляла *вервь*. То и другое дѣленіе земли важно [...] для собиранія даней князю и служило выраженіемъ общиннаго начала, перви[...] формою осѣдлости народа, его общественной жизни и земельнаго владѣнія, ра[...]леннаго между членами общины по равнымъ участкамъ или жребіямъ[3]). Въ пр[...]лахъ этихъ обширныхъ единицъ земельныхъ развились *села* и *деревни*, на том[...] общинномъ началѣ, которое сохранилось на Руси въ теченіе всего ея многовѣко[...] существованія. Далѣе, по различію занятій промысловъ и быта, изъ вервей и [...]гостовъ выдѣляются *рядки*, *посады*, *города*. Здѣсь быстрѣе накопляются богат[...] и управленіе дѣлается сложнѣе; но общинное начало въ лицѣ *міра*, *схода*, *вѣча* [...]храняетъ свою силу. При этомъ села раздѣлились на гнѣзда и улицы, иногда [...] десятки, сотни; города—на улицы, концы, стороны, части, иногда на сотни и тыся[...] Это дѣленіе жителей не препятствовало единству, общины; образуя болѣе мелкія е[...]ницы, оно лишь сосредоточивало ихъ на частныхъ функціяхъ—занятіяхъ, промысла[...] дѣлахъ благотворенія и имѣло значеніе въ административномъ отношеніи [4]).

Такимъ образомъ можно сказать, что общинное начало составляло жизнен[...] нервъ существованія древней Руси. Теперь легко опредѣлить значеніе этого нач[...] для церкви и для образованія.

Изъ лѣтописнаго сказанія видно, что какъ просвѣщеніе христіанствомъ, т[...] и книжное ученіе кн. Владиміръ распространилъ не въ одномъ Кіевѣ, но по [...] землѣ: «и нача ставити по градамъ *церкви* и *попы* и люди на крещенье привод[...] по *всѣмъ* градомъ и селомъ», и вслѣдъ за тѣмъ говорится о введеніи книжн[...] ученія, которое поручалось священникамъ, которые тогда и были первыми и ед[...]ственными учителями народа, почему и называются «попы ученые». Они же б[...] и первыми устроителями школъ «по всѣмъ градомъ и селамъ», по благослове[...] митрополитовъ и велѣнію князей, которые давали для того и средства.

Такимъ образомъ среди Русскихъ первыхъ *общинъ* является *церковь* съ [...]*щенникомъ* и причтомъ, затѣмъ и *школа*. При церкви образуется *приходъ*. [...] церковную общину составляютъ *прихожане;* она составляетъ новый живой цен[...] жизни старой общины земской. Объемъ ея различенъ. Въ большихъ селеніяхъ[...] городахъ и погостахъ церквей бывало по нѣскольку, столько же бывало и при[...]довъ. Малыя селенія могли примыкать къ этимъ церквамъ, и такимъ образомъ [...]рода и погосты дѣлались *церковными средоточіями* для окружающихъ ихъ сел[...] впослѣдствіи погосты приняли даже названія, заимствованныя отъ ихъ *храмовъ*.

---

[1]) По Русской Правдѣ вервь платила дикую виру, платила почти за всякое убійство [...]ровство, совершенное въ предѣлахъ верви, хотя виновникъ преступленія неизвѣстенъ. У *Ле*[...] (стр. 103 и далѣе) значеніе верви изъяснено весьма обстоятельно.

[2]) Въ Новгородской области по Мстѣ и Лугѣ.

[3]) По Бреверну, слово *погостъ*, pagast, означаетъ *общинное владѣніе*. См. Лешкова, стр. [...] Неволина, дополн. къ Пятинамъ, стр. 72.

[4]) При этомъ единство всей Русской земли стояло крѣпко, не смотря даже на дѣлені[...] между племенами. Призваніе на Русь князей совершилось не отдѣльнымъ родомъ или пле[...] *Вся* Словене просили объ управѣ для *всей великой земли*, приглашали князей володѣть и [...] всѣми Словенами. Эта потребность единой верховной власти проходитъ чрезъ всю исторію

Храмы первоначально строились по наряду князей и при ихъ поддержкѣ [ма]теріальными средствами. Но выстроенный храмъ надо было *поддерживать; цер[ков]ь* для богослуженія имѣетъ нужду въ средствахъ, а духовенство въ обезпеченіи. [Уд]овлетвореніе этихъ нуждъ естественно падало на общину, на приходъ. Тоже [сам]ое слѣдуетъ сказать и о *школахъ*. Если князья первоначально сами ихъ заво[ди]ли, то сохраниться они могли только при сочувствіи и поддержкѣ приходовъ.

Къ этимъ двумъ функціямъ *прихода* присоединяется благотворительность. Она [су]ществовала на Руси еще до христіанства и составляла обычное дѣло каждой [об]щины, призрѣвавшей своихъ убогихъ, сиротъ, недужныхъ и вообще лишенныхъ [во]зможности пропитанія членовъ.

«Не было у Словянъ ни бродягъ, ни нищихъ», говоритъ Мацѣевскій; не [бы]ло, потому что попеченіе о бѣдныхъ издревле у нихъ существовало, отчего и [н]е было на древней Руси ни бродягъ, ни нищенства. Въ древнемъ Русскомъ законо[да]тельствѣ—случай единственный въ исторіи—о нищихъ не говорится ни слова. [Ихъ] *призрѣвала община*, которая обезпечивала ихъ хлѣбомъ, одеждой, кровомъ. [Дѣ]лалось это по мягкости сердца, состраданію, по старому обычаю.

Христіанство вноситъ въ Русскую жизнь новое начало, по которому милосердіе [к]ъ сиротѣ, къ убогому, къ нищему есть святая обязанность и долгъ, заповѣданный [са]мимъ Спасителемъ Своимъ ученикамъ.

Какъ благотворно было это новое начало для призрѣнія бѣдныхъ на Руси, это [ви]дно на примѣрахъ князей. Такъ, Владиміръ св. былъ «истиннымъ отцемъ бѣд[н]ыхъ»; день освященія десятинной церкви онъ праздновалъ раздачею убогимъ [мн]огаго имѣнія; услышавъ однажды слово Евангелія о нищихъ, онъ повелѣлъ всякому нищему и убогому приходить на дворъ княжескій и получать тамъ вся[к]ую потребу, питье и яствы, и отъ скотницъ кунами». Разсудивъ затѣмъ, что [б]ольные нищіе не могутъ дойти до его двора, князь повелѣлъ развозить по улицамъ [х]лѣбъ, рыбу, овощи, медъ и квасъ, и люди Владиміра, ходя по городу, спраши[ва]ли, гдѣ недужные, и надѣляли ихъ всѣмъ необходимымъ: такъ сильно вліяло [Х]ристіанство на благотворительность князя, очевидно, увѣровавшаго въ новое уче[ні]е всѣмъ сердцемъ.

Мономахъ завѣщаетъ дѣтямъ: «будьте отцами сиротъ; судите вдовицъ сами; [н]е давайте сильнымъ губить слабыхъ; не оставляйте больныхъ безъ помощи». [И]звѣстіями о благотворительности князей и княгинь полны лѣтописи. Но уже Вла[ди]міръ, считая благотворительность и призрѣніе *дѣломъ церкви*, передаетъ ихъ [ц]*ерковному управленію* въ своемъ «Церковномъ уставѣ»: «паломника, лечца (лекаря), [из]гушнаго человѣка (раба), слѣпца, хромца, больницы, гостинницы, странноприим[н]ицы и богадѣльни» ввѣряетъ духовной власти, что подтверждается и другими [к]нязьями. Такимъ образомъ призрѣніе бѣдныхъ является при епископіяхъ, особенно [п]ри монастыряхъ, которые обладали для того наибольшими средствами, и *при [ц]еркваъ въ общинахъ*, сохраняя прежній типъ общинной благотворительности [1]). [О]бщина осталась таже, но имѣя центромъ духовной жизни церковь, она стала *при[х]одомъ*. Три святыя церковныя обязанности восприняла эта община—попеченіе о

[1]) «Общинность призрѣнія, говоритъ Лешковъ, составляла правило, которое господствовало у [на]съ до позднѣйшаго времени, и древнѣйшіе акты именно говорятъ, что *нищіе на Руси питаются [отъ ц]еркви и о приходѣ*, то-есть, отъ прихода. Лешковъ, стр. 206 и др. По селамъ у приходскихъ [ц]ерквей въ древности бывали «кельи для нищихъ».

церкви съ причтомъ, попеченіе объ *училищъ* для воспитанія дѣтей въ духѣ це
и *попеченіе* о бѣдныхъ прихода, въ духѣ той же церкви. Всѣ эти три фу
прихода находились въ вѣдѣніи духовной власти и совершались подъ ея рук
ствомъ. Такимъ образомъ христіанство не колебало и не измѣняло стараго общин
строя на Руси, но освятило, утвердило и дало ему новыя основы и жизненн

Первая начальная школа на Руси является *церковно-приходскою*. Она
стоитъ особнякомъ, какъ нѣчто чисто *внѣшнее, административное*, но глуб
входитъ въ народную жизнь. Находясь въ союзѣ съ Церковію, школа находи
въ тѣснѣйшей связи съ общиною [1]). Какъ свободно Русь приняла св. вѣру, т
свободно приняла она и явившуюся съ нею школу, какъ орудіе христіанскаго п
свѣщенія. Любовь къ церкви распространилась на школу. Обѣ онѣ жили од
духомъ, обѣ питали народъ высшею духовною пищею. Книжное ученіе было цер
нымъ и приводило къ церкви. Одинъ нарядъ правительства не могъ привить ш
народу, еслибы онъ самъ не пожелалъ ее свободно и душевно.

Связь школы съ народомъ чувствуется во всѣхъ явленіяхъ древняго Ру
быта. Не слѣдуетъ забывать, что образованіе народа, особенно юнаго, тольк
пающаго въ историческую жизнь, не только «играетъ важную роль въ
народа», но творитъ его исторію, служитъ условіемъ для развитія и для
бытія народа.

Образованіе предковъ нашихъ было истинно-христіанскимъ, правосла
церковнымъ, такимъ же сталъ и народъ, такимъ онъ является на всемъ п
ніи его исторіи до нашихъ дней. Связь церкви, школы и прихода составл
донынѣ идеалъ народный; такъ она крѣпка, сильна и живуча; церковно-п
ская школа для него есть лучшая и единственная, завѣщанная ему предка
школу онъ любитъ, ей онъ вѣритъ, ее желаетъ. Явившись приходскою, д
наша школа стала вполнѣ *народною*, быстро распространилась, крѣпко прив
дала неоцѣнимые плоды. Вся Русь просвѣтилась крещеніемъ, по всей Рус
лись церкви, а съ ними и книжное ученье въ школахъ, которыя были до
всѣмъ, въ которыхъ слышалось Слово Божіе на родномъ языкѣ. Образованіе
лось всеобщимъ. «Безъ *общаго* участія въ ученіи *всего народа*,—этого всеоб
щаго ученика и читателя, говоритъ Лешковъ, немыслимо такое обширное ра
страненіе по России Изборниковъ или Пчелъ, обнимавшихъ собою все вѣдѣніе
мени, теоретическое—въ Сборникахъ и практическое—въ Пчелахъ. Безъ об
участія *всего* народа въ просвѣщеніи, невозможна та масса сочиненій, кото
одно простое вычисленіе, по выраженію Погодина, даетъ высокое понятіе о сте
образованія эпохи, и которыхъ изученіе въ одномъ литературномъ отноше
составляетъ томы. Безъ общаго участія всего народа въ образованіи невозм
явленіе, заставившее Соловьева предположить, что народъ нашъ свыкался въ др
ности даже съ Греческимъ языкомъ, невозможно объяснить событій послѣдую
времени, которыя доказываютъ почти *всеобщность* грамотности на Руси, треб
шей акта для всякаго дѣла, и письменности для всякаго акта; равно какъ б

[1]) Сказавъ, что религіозные мотивы лежали въ основѣ учрежденія древнихъ школъ, п
Леонтовичъ продолжаетъ: «Гдѣ устроенъ церковный погостъ, тамъ вмѣстѣ съ приходскою це
непремѣнно будутъ заведены *богадѣльня и школа* главными ихъ распорядителями—церковнымъ п
чтомъ и приходской общиной: церковь, школа и богадѣльня, подъ вліяніемъ этическихъ воззр
христіанства, слились въ древней Руси *въ одинъ нераздѣльный институтъ* благотворительно-
свѣтительныхъ, религіозно-воспитательныхъ функцій народной жизни». Шк. В., стр. 10.

обученія, какъ мѣрѣ *государственной*. Напротивъ, всѣ приведенныя выше лѣ- писныя данныя говорятъ о томъ, что обученіе и посѣщеніе школъ дѣтьми б *свободнымъ*; да оно и *не могло* быть инымъ, разъ школа была *приходскою*.

VI. Общеобразовательный характеръ, учебный курсъ и способ ученія въ древне-русскихъ школахъ.

1) Чѣмъ были наши древнія училища,—*общеобразовательными-ли начальн школами*, или *специальными* учрежденіями для приготовленія духовенства, ст нужнаго для устроиваемыхъ тогда церквей?

Лавровскій, говоря о широкомъ, повсемѣстномъ распространеніи училищъ древней Руси, высказываетъ предположеніе о существованіи на Руси *высш училищъ*, причемъ подкрѣпляетъ свое предположеніе сравненіемъ съ состояні образованія въ тогдашней Византійской имперіи, въ Болгаріи, и также у Чехо и Поляковъ. Подкрѣпленіе своему соображенію почтенный изслѣдователь наход и въ памятникахъ древней нашей литературы. Съ одной стороны, эти памятни вообще свидѣтельствуютъ о высокихъ дарованіяхъ и образованіи авторовъ ихъ; другой,—въ этихъ памятникахъ существуютъ свѣдѣнія о такихъ предметахъ, ко- торые никоимъ образомъ не могли входить въ элементарный курсъ. Такъ *ритори* у насъ извѣстна еще въ XI в., что̀ видно изъ изборника 1073 г., гдѣ помѣще ст. Георгія Хуровскаго «о образѣхъ» (метафорахъ); къ тому же времени относи переводъ *діалектики* Іоанна Дамаскина; встрѣчаются *психологическія* свѣдѣнія (Шестодневѣ І., Болгарскаго экзарха), по *логикѣ* и *философіи*; есть факты, свид тельствующіе о знаніи нашими предками того времени *географіи*. «Изборники» «Пчелы» имѣли, какъ извѣстно, самое разнообразное содержаніе. При этомъ Ла- вровскій указываетъ и на высокое образованіе первыхъ устроителей нашихъ у лищъ—Грековъ и Болгаръ [1]).

Но всѣ эти предположенія остаются лишь въ области возможнаго, но недоказа наго. Если бы у насъ были высшія училища, то не можетъ быть сомнѣнія,что свѣдѣ по крайней мѣрѣ объ устроеніи ихъ, были бы занесены въ лѣтописи; между тѣмъ памя ники наши положительно не даютъ никакихъ свѣдѣній о подобныхъ училищахъ [2].

---

[1]) *Лавровскій*, стр. 74. «Могли-ли, говоритъ онъ, столь просвѣщенные пастыри, получи образованіе въ высшихъ школахъ образованнѣйшей страны того времени (въ Визант. Импері вполнѣ устроенныхъ и состоявшихъ подъ бдительнымъ и покровительственнымъ надзоромъ пра тельства, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи столь обширныя средства, при томъ вліяніи на ка какимъ они пользовались, при томъ уваженіи къ нимъ послѣднихъ, могли ли эти пастыри дово ствоваться устройствомъ школъ только *для сообщенія первоначальныхъ знаній*, могли-ли они довольс ваться *частными* мѣрами для сообщенія высшихъ знаній только лицамъ избраннымъ, уже зара назначеннымъ для занятія высшихъ степеней въ церковной іерархіи, и до какой степени возмож этотъ преждевременный выборъ? Намъ кажется (продолжаетъ авторъ), что на всѣ предложе вопросы можетъ дать отрицательный отвѣтъ только тотъ, *кто, при отсутствіи непосредствен лѣтописныхъ свидѣтельствъ, откажется отъ всякаго пособія со стороны историческихъ сообра ній*, руководимыхъ здравымъ смысломъ и *неопровержимымъ* (?) *сходствомъ явленій*».

[2]) Проф. *Леонтовичъ* рѣшительно возстаетъ противъ предположенія, что въ XI в. и п позднѣе могли существовать у насъ «хотя бы зародышевыя формы элементарнаго, средняго и в шаго образованія,—формы, мало извѣстныя въ то время и на Западѣ». Школа XI в., устрое «на утвержденіе вѣры», не могла получить сословнаго характера (тогда и сословій не было) и готовленія священниковъ. Леонтовичъ присоединяется къ мнѣнію Забѣлина, что древне-Русс школа была «общенародною и вездѣ единообразною: дѣти первостепеннаго боярина обучались то также, какъ и дѣти простолюдина». (Леонтовичъ, стр. 7; ср. Забѣлина «Хар. др.-р. образова въ отвѣтъ Купріянову.)

На *элементарный* характеръ обученія въ древнихъ нашихъ школахъ ука-ываетъ *курсъ* ихъ, который, какъ увидимъ далѣе, состоялъ въ чтеніи, письмѣ и ѣніи. Наконецъ, что древне-русская школа была элементарною, обще образова-эльною, на это указываетъ то обстоятельство, что въ нихъ учились только *дѣти*, акъ это видно изъ всѣхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ объ учреждении школъ, при-эмъ иногда говорится «юныя дѣти», «отроки», «младенцы».

Строго держась лѣтописныхъ свидѣтельствъ, слѣдуетъ положительно признать, то наши древнія училища представляли *элементарную школу, общеобразовательную ерковнаго характера*, или просто *церковно-приходскую школу*,—типъ, который со-ранился отъ древнихъ временъ до нашихъ дней, и что всего замѣчательнѣе, со-ранился *непрерывно* и *преемственно*, въ теченіе девяти вѣковъ; сохранился же отому, что онъ какъ возникъ, такъ оставался всегда *при церкви въ приходѣ*.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что наши пастыри озабочива-ись мыслію о подготовкѣ *духовенства* изъ русскихъ людей, достойныхъ своего ризванія. Этого требовало самое тогдашнее положеніе Русской церкви, въ эпоху я первоначальнаго учрежденія; но они не менѣе озабочивались и необходимостью уховнаго *просвѣщенія*, ново-крещеннаго народа. На нихъ лежала обязанность ередать народу ученіе вѣры и нравственности христіанской, перевоспитать его, скоренять языческія заблужденія, исправлять нравы, учить, назидать, руководить, ривлекать народъ къ церкви, дѣлать вѣру живою. Они понимали, что «книжное ченіе», направляемое и руководимое духовенствомъ, можетъ служить одинаково ревосходнымъ средствомъ *для той и для другой цѣли*. И дѣйствительно, древняя ерковно-приходская школа, *служа христіанскому просвѣщенію народа*, въ то же ремя *сообщала начальное образованіе и кандидатамъ священства*, приготовляла рамотныхъ членовъ клира. Лучшія, избранныя натуры, одаренныя богатствомъ уховныхъ силъ и дарованій, изъ школы шли въ монастыри (какъ св. Ѳеодосій), ли путемъ самообразованія достигали высокой степени духовнаго развитія [1].

Скажутъ, велико разстояніе отъ грамоты до ораторства, отъ азбуки до бого-ловія, отъ чтенія до сочиненія, отъ убогаго школьника до высоты просвѣщеннаго астыря. Не такъ велико, какъ кажется; надо только имѣть въ виду, что̀ такое ыла грамота и чтеніе въ древней нашей школѣ, чему и какъ учили въ ней. Пред-овъ нашихъ это разстояніе не смущало,—его для нихъ не было. Въ Степенной нигѣ пишется: «Тако благодатію Божіею елицы *научишася грамотѣ, отъ нихъ е бысть множество премудрыхъ философъ»* [2]). Научились грамотѣ, а вышли премудрые философы», то-есть, люди высокаго образованія.

---

[1]) Въ древней Руси *спеціальныхъ* училищъ вообще не было. Школа давала только образованіе бщее и необходимое; для священниковъ же подготовкою затѣмъ служила всего болѣе *церковная прак-ика*, также и для клириковъ; подобно тому и военное образованіе, судейское дѣло—изучались чисто рактическимъ путемъ, первое—въ дружинѣ, второе—въ княжихъ, вѣчевыхъ и земскихъ учрежде-іяхъ. «Древне-русская школа, говоритъ Леонтовичъ, вовсе неимѣвшая профессіональнаго харак-ера, была доступна для всѣхъ и каждаго, являлась православно-воспитательнымъ заведеніемъ, *бщенародной школой*, приспособленной къ несложнымъ задачамъ и нуждамъ Русскаго просвѣщенія ого времени».

[2]) Степ. кн. I, стр. 143. Слово *философъ* въ древней Руси имѣло значеніе человѣка образо-аннаго, свѣдущаго въ книгахъ,—преимущественно въ разумѣніи божественныхъ книгъ. Такъ о ладимірѣ Ростиславичѣ лѣтописецъ говоритъ: «бѣ же разумѣя притчи и темно слово... зане бысть нижникъ великъ и философъ». Во всякомъ случаѣ это высшая степень тогдашняго образованія.

То слово, которое изучалось въ древней нашей школѣ, которое «крѣпитъ сердца и умы», умудряло и простецовъ, дѣлало ихъ духовно совершенными, просвѣщало ихъ разумъ. Несомнѣнно, что при этомъ проявлялась съ особенною силою и природная даровитость Русскаго народа, его прирожденная способность къ самоуглубленію, къ воспріятію высокихъ идей христіанства, къ воплощенію ихъ въ жизни искренно, правдиво.

Изъ дальнѣйшаго изслѣдованія мы увидимъ, какіе благодатные плоды далъ Руси древняя школа, и увидимъ также, что школа эта была простая *церковно-приходская школа,* вся оживотворенная, проникнутая и согрѣтая духомъ православной церкви. Школа эта была *повсемѣстная,* вполнѣ *народная,* общедоступная,—*для всѣхъ «дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ»* [1]).

2) Въ древнихъ Русскихъ училищахъ преподавалось не много предметовъ, но всѣ они были объединены, вѣрнѣе сказать—представляли *одинъ* предметъ. Какъ подъ словомъ *книги* въ древности разумѣли книги священныя, подъ *чтеніемъ* и грамотою разумѣлось чтеніе божественныхъ писаній, словомъ *начетчикъ* обозначался человѣкъ, начитанный въ священныхъ книгахъ; такъ подъ словомъ «книжное ученіе» разумѣлось духовное просвѣщеніе человѣка чтеніемъ священныхъ книгъ и отеческихъ писаній.

Собственно въ древнихъ нашихъ училищахъ преподавалось *три* предмета—*чтеніе, письмо* и *пѣніе,*—чтеніе *религіозное,* письмо—*священное,* пѣніе—*церковное.* Это наше исконное trivium, которое, явившись при Владимірѣ, сохранилось и донынѣ въ церковной школѣ. Въ разное время къ этому курсу дѣлались прибавки, дополненія, но основа церковной школы всегда оставалась неизмѣнною. Конечно, умѣющій читать, писать и пѣть могъ употреблять это умѣнье и для другихъ цѣлей,—но древняя школа не знала ихъ.

О томъ, что въ древнихъ училищахъ обучали именно чтенію, письму и пѣнію существуетъ не мало свидѣтельствъ. Въ первыхъ древнѣйшихъ свидѣтельствахъ мы находимъ большею частію общія выраженія: отрокъ вданъ бываетъ—«грамотѣ учитися», «книгамъ учитися», «учитися книжному писанію», «ученію книжному», «азбукамъ и всякому написанному святыхъ книгъ слову» и т. под. Въ этомъ смыслѣ лѣтописцы и книжную образованность мужей разума обозначали выраженіями: «бѣ любя словеса книжная», «книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и дне» (Ярославъ), «мужъ книженъ» (Иларіонъ), «мужъ хытръ книгамъ и ученію» (Кириллъ); «книги разумно умѣетъ», «учителенъ и хытръ ученью божественныхъ книгъ», «исполненъ книжнаго ученія», «грамотѣ наученъ».

Нѣтъ нужды доказывать, что подъ грамотою разумѣется *чтеніе* и *письмо.* Князья были *грамотны,* любили чтеніе, они писали другъ къ другу, писали завѣщанія, договоры.

Пастыри церкви, воспитавшіеся въ древнихъ училищахъ нашихъ, оставили весьма многочисленные памятники письменности; свѣтскіе воспитанники тѣхъ же школъ вершили судъ и управленіе землею, по наряду князей, причемъ грамотность была необходимою, а нѣкоторые оставили и замѣчательные труды письменные.

---

[1]) Что касается князей, то они получали образованіе, по всей вѣроятности, *дома, въ семьяхъ,* но отъ тѣхъ же духовныхъ лицъ. Есть свидѣтельство о томъ, что князья вручали дѣтей своихъ для образованія владыкамъ, а тѣ поручали ихъ учителямъ—діаконамъ. Напр., такъ обучаемъ былъ князь Михаилъ Тверской.

Церковное пѣніе также входило въ обученіе; въ Кіевскомъ училищѣ Янки ему обучались даже дѣвочки; убійцы св. Бориса слышали его «*поюща* заутреню» и псалмы; о св. Θеодосіи пишется, что онъ тихо усты *пѣлъ* псалмы за работой.

Отцы собора 1551 г., собравшись, по наряду царя, между прочимъ для возстановленія образованія, въ виду его упадка, говорили: «а прежь сего въ Россійскомъ Царствѣ, на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ и по *инымъ градомъ многія* училища бывали, грамотѣ, и *писать*, и *пѣть*, и *читать* учили». Избранные отцы собора, знали, конечно, исторію школъ своего отечества не только по памятникамъ, но и по живому преданію, а потому указаніе ихъ, чему учили въ древнихъ школахъ, имѣетъ несомнѣнную достовѣрность; да и сами они назначили *тотъ же* курсъ и для училищъ своего времени [1]).

Что касается *возраста*, въ какой начиналось обученіе, то о немъ свидѣтельствуетъ постоянно встрѣчающееся въ лѣтописяхъ слово «дѣти», которыхъ берутъ въ училища. Значитъ, обученіе начиналось въ дѣтскомъ (точнѣе—въ отроческомъ) возрастѣ. Есть указанія на 7-ми и 8-ми лѣтній возрастъ [2]). Можно полагать, что дѣтей отдавали въ ученье въ предѣлахъ отъ 7 до 9 лѣтняго возвраста; но въ лѣтописяхъ срокъ начала книжнаго ученья столь считается общеизвѣстнымъ, что о немъ говорится въ общихъ чертахъ: «времени приспѣвшу», «устрабившемуся *отроку* возрастомъ»...

Лавровскій, путемъ обстоятельныхъ изъясненій, доказываетъ, что начало ученія совпадало съ «постригами», которые въ язычествѣ совершались и раньше, но со времени христіанства стали дѣлаться позднѣе [3]).

Къ глубокой древности слѣдуетъ отнести и обычай нашего народа начинать ученье молитвой, служеніемъ молебна. У Грековъ св. Косма и Даміанъ почитались помощниками въ ученіи [4]), и къ нимъ обращались съ молитвою начинавшіе учиться. Естественно, что этотъ обычай могъ перейти и на Русь, тѣмъ болѣе, что книжное ученіе у насъ почиталось дѣломъ богоугоднымъ, полезнымъ для души. Молитвами начинались и наши древнѣйшія азбуки.

---

[1]) Замѣчательно, что это наше trivium находитъ подтвержденіе даже въ древнѣйшихъ былинахъ. Такъ въ былинѣ про Василія Буслаева говорится, что мать

Дала его учить грамотѣ,
Грамота ему въ *наукъ* пошла;
Посадила его перомъ *писать*,
Письмо Василью въ *наукъ* пошло;
Отдавала она его *пѣтью* учить,
Пѣтье Василью въ *наукъ* пошло...

Въ духовномъ стихѣ «Алексѣй Божій человѣкъ», по записи Т. И. *Филиппова*, пишется: «Сталъ Алексѣй свѣтъ на возростѣ, Въ подъемѣ Алексѣй было *семь лѣтъ*»—отецъ «отдалъ его *грамотѣ* учиться, скоро ему грамота далася, А скорѣй того ему *рукописанье*». Стихъ этотъ принадлежитъ къ былинной эпохѣ. Въ стихѣ «про Егорія храбраго» пишется, что когда стали его топить въ морѣ, «онъ *пѣлъ* стихи херувимскіе». Собр. нар. пѣсенъ Т. Филиппова, стр. 14. Такимъ образомъ *грамота*, *письмо* и *пѣніе*, по взгляду нашихъ предковъ, составляли необходимую принадлежность героевъ древности и святыхъ мужей.

[2]) См. у *Лавровскаго*, стр. 114. Такъ о Петрѣ М. сказано: «рождшуся же отрочати и *седьмаго лѣта* возраста достигшу, вданъ бываетъ родителема книгамъ учитися» (ст. кн. 411). Кн. Михаилъ Тверской началъ учиться 8 л., Василько Константиновичъ обучался 9 л. (въ Ростовѣ, у крестнаго).

[3]) Постриги (обрѣзываніе волосъ) служили обрядомъ признанія гражданской личности ребенка. См. Лавровскаго, стр. 115 и далѣе.

[4]) Лавровскій, стр. 119.

3) *О способѣ ученія* въ древнихъ школахъ извѣстій въ лѣтописяхъ не сохр нилось. Дѣло это представлялось, вѣроятно, лѣтописцамъ слишкомъ извѣстнымъ не настолько важнымъ, чтобы о немъ говорить подробно. Въ наказаніи м. Михаи рекомендуется «Частое послушиваніе», то-есть, *повтореніе* изученнаго, говорит о *соотвѣтствіи урока силамъ* каждаго ученика. Отсюда видно, что въ школа были многіе ученики, разныхъ способностей, и уроки задавались имъ не одинаковы значитъ, обученіе было не общее, а одиночное. Это весьма вѣроятно, потому ч такъ дѣло велось и въ школахъ церковныхъ недавняго прошлаго. Зависѣло эт отъ того, что книги не у всѣхъ были одинаковыя. При этомъ въ древнихъ школа едва ли было правильное раздѣленіе учащихся на группы, на классы, а учил въ одной избѣ вмѣстѣ и слабые, и успѣвающіе, и вновь поступившіе, и начав ученіе раньше. И это бывало въ нашихъ школахъ грамоты, по старинѣ. Дѣлу этомъ помогала любовь къ дѣлу учителя и усердіе учениковъ, а также семей характеръ школы.

Печатныхъ книгъ тогда не было, слѣдовательно, не было и печатныхъ азбук тѣ и другія писались. Есть поводъ думать, что обученіе чтенію соединялос письмомъ. Объ этомъ есть позднѣйшее свидѣтельство Степенной книги, гдѣ г рится, что м. Петръ въ дѣтствѣ «елика *написоваше* ему учитель, малымъ *ученіемъ* изучеваше» [1]), то-есть, учитель прописывалъ буквы, а можетъ быть, и слова, а ученикъ «проучивалъ», прочитывалъ, списывалъ и усвоялъ, за живалъ изучаемое. Пріемъ этотъ исчезъ съ появленіемъ печатныхъ азбукъ, н годится и для нашего времени [2]).

Все изучаемое *изъяснялось* и толковалось, то-есть, учители заботились, чтеніе учащихся было не механическое, а разумное. Объ этомъ есть свидѣте въ разныхъ источникахъ. Такъ въ «Изборникѣ Святослава» (1076 г.) о чтеніи рится: «Егда чьтеши книгы, не тщися *бързо* ищтисти до другыя гла нъ *поразумѣи, чьто глаголютъ* книгы и словеса та, и тришьды обращ единой главизнѣ». Иначе и чтеніе было бы безполезно и не могло служить ср ствомъ просвѣщенія. «То мы, братия, *поразумѣимъ* и послушаимъ *разум ушима* и поразумѣимъ *силу* и поучение святыхъ книгъ», говорится далѣе. Об этомъ характерѣ ученія говорятъ и позднѣйшія свидѣтельства. Такъ Геннадій арх. Новгородскій, возвращаясь къ старинѣ и желая возрожденія школъ его времени, говоритъ, какъ надо «учить во училищѣ»: «первое—*азбука* грамо *истолкована совсѣмъ*, да и подтительные слова, да псалтыря съ слѣдованіемъ крѣпко» и т. д. И Стоглавъ заповѣдуетъ учить учениковъ «и грамотѣ, и писат и пѣти, и чести *со всякимъ духовнымъ наказаніемъ*» (наставленіемъ); чтобы свя щенники «учили грамотѣ, сколько сами умѣютъ, *и силы бы писанія* имъ (ученика сказывали». Разумность обученія вытекала изъ высокаго взгляда нашихъ предк на грамотность, какъ увидимъ это далѣе.

VII. Обученіе чтенію, письму и пѣнію въ древне-русской шко

О ходѣ *обученія чтенію* въ древнихъ училищахъ лѣтописныхъ сказаній насъ не сохранилось, и потому приходится ограничиваться только соображені и свидѣтельствами позднѣйшаго времени. Первыми учителями у насъ были Гре

---

[1]) Ст. кн. 1, 411.

[2]) У насъ въ дидактикахъ соединеніе чтенія съ письмомъ въ обученіи грамотѣ усвоя обыкновенно нѣмцамъ, изобрѣтшимъ его въ 30-хъ годахъ, а на Руси онъ былъ издревле.

«Посланніи, говоритъ лѣтописецъ, придоша на Льто нощью, и подсту ближе, и слышаша блаженнаго Бориса *поюща заутреню:* бѣ бо ему вѣсть яко хотять погубити и. И вставъ *нача пѣти,* глаголя: «Господи! что ся умно стужающіи мнѣ? мнози въстаютъ на мя». И *паки:* «яко стрѣлы твоя унъзош мнѣ; яко азъ на раны готовъ, и болѣзнь моя предо мною есть». И *паки* глаго «Господи услыши молитву мою, и не вниди въ судъ съ рабомъ своимъ, я оправдится предъ тобою всякъ живый, яко погна врагъ душу мою». И ко оксапсалма, увидѣвъ, яко послани суть губити его, *нача пѣти псалтырю,* голя: «яко обидоша мя унци тучни, и сборъ злобивыхъ осѣде мя, Господи мой, на тя уповахъ, и спаси мя, и отъ всѣхъ гонящихъ избави мя». Посе нача *канунъ пѣти;* таже кончавъ заутреню, помолися глаголя, зря на ико образъ Владычнь, глаголя сице: «Господи Исусе Христе! иже симь образомъ на земли спасенья ради нашего, изволивъ своею волею пригвоздити на к руцѣ свои, и пріимъ страсть грѣхъ ради нашихъ, тако и мене сподоби п страсть; се же не отъ противныхъ пріимаю, но отъ брата своего, и не сотвор Господи, въ семь грѣха». И помолившюся ему, възлеже на одрѣ своемь. нападоша акы звѣрье дивіи около шатра, и насунуша и копьи, и пробо Бориса».

Предвидя смерть, страдалецъ искалъ успокоенія въ пѣніи псалмовъ, ко онъ зналъ, умѣлъ, очевидно, не только читать, но и пѣть. Въ этомъ разсказѣ восходно выражено и высокое духовное значеніе псалмовъ для человѣка вѣр невыразимо тяжелыя, скорбныя до смерти, минуты жизни. Велика та школа, ко дала страдальцу такое утѣшеніе. По истинѣ Псалтирь книга несравненная, и п наши хорошо понимали ея учительное и воспитательное значеніе.

Псалтирь былъ *путевою* книгою, которую предки наши брали съ собо дорогу и къ которой въ трудныя минуты они обращались. Вспомнимъ Моно который, находясь въ пути, отказался участвовать въ войнѣ противъ Ростисла считая это дѣломъ неправеднымъ, и въ скорби обратился къ Псалтири. «Усрѣ мя, пишетъ Мономахъ въ поученіи дѣтямъ, послы отъ братья моея на Волзѣ, р «потъсписи къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимемъ; а не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ»; и рѣхъ: «аще вы гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити. И отрядивъ я, *вземъ Псал въ печали* разгнухъ я, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе? вскую щаеши мя»? и проч.—

Пр. Несторъ пишетъ о св. Ѳеодосіи, что онъ любилъ псалтирь и пѣлъ пс за пряденіемъ волны. Вотъ трогательная картина келейной жизни XI в., п ображенію лѣтописца: инокъ Иларіонъ день и ночь *переписываетъ* въ келлі Ѳеодосія книги. Другъ его Никонъ *переплетаетъ* ихъ, а Ѳеодосій, прядя в «*поетъ псалтирь* усты тихо» [1]).

О Св. Спиридонѣ пишется, что онъ «труждашеся о спасеніи души с крѣпко, *безпрестанно псалтирь поя,* и *весь на кійждо день скончевая*». Псал имѣлъ у насъ всегда самое широкое распространеніе въ народѣ. Пергаме списки его восходятъ къ XI в. и раньше. Если же справедливо, что онъ бы учебною книгою въ школахъ, то домашніе списки его были распространены всей Руси.

[1]) Патер. печ., стр. 47.

Замѣчателенъ тотъ фактъ, что псалтирь, какъ это положительно извѣстно, служилъ учебною книгою въ школахъ не только Византійскихъ, но и западныхъ, гдѣ грамотные назывались даже «псалтирниками» (psalterati); блаженный Іеронимъ считаетъ обязанностію монаховъ знать ее наизусть [1]). Тоже заповѣдуетъ и св. Θеодосій братіи.

Псалтирь служилъ руководствомъ жизни. Въ посланіи къ Мономаху митр. Никифоръ пишетъ: «И едино ти реку на конци, христолюбивый княже мой: воспоминаніе имѣи третіего *псалма* перьваго часа, иже есть ρ, и *съ вниманіемъ его пои:* Милость и судь пою тебѣ, Господи, и проччая его; и тъи есть истинный икунникъ (изображеніе) царское и княжьское икуны. А еже глаголемая отъ него испытовая и храняи, тотъ приближеніа улучать, иже и просвѣтитъ тя еще и еще разумнѣи ти очи, и отвратить отъ нихъ всяку суету, и освятить ти слухъ, и очистить сердце, и исправить стопы, и измѣть нозѣ твои отъ попльзеніа». Такое высокое значеніе усвоялось псалтири нашими предками.

По изученіи псалтири ученикъ приготовленъ былъ къ чтенію другихъ божественныхъ книгъ и отеческихъ писаній. Грамота въ школѣ была *не цѣлью,* но средствомъ духовнаго просвѣщенія человѣка.

О способахъ *обученія письму* въ лѣтописяхъ не сохранилось никакихъ указаній; но о томъ, что письмо было у насъ распространено и, слѣдовательно, ему обучали въ училищахъ, есть довольно свидѣтельствъ. Наши князья этой эпохи всѣ были грамотны; въ монастыряхъ писаніе, списываніе священныхъ книгъ, было повсемѣстнымъ и считалось дѣломъ богоугоднымъ, какимъ оно считалось и на западѣ до книгопечатанія,—тамъ оно считалось какъ бы проповѣдью слова Божія [2]). Переписывались книги священныя «собѣ на спасенне и всѣмъ крестьяномъ на утѣху» (въ утѣшеніе), какъ выразился одинъ древній списатель Евангелія. Бывали случаи, что взрослые, поступивъ въ монастырь, научались въ нихъ чтенію и письму, какъ это было, напримѣръ, съ св. Спиридономъ, который «невѣдый писанія, нача учитися книгамъ, аще и лѣты не младъ сый».

Въ древней Руси біографіи имѣли только мужи святые, прославившіеся духовными подвигами [3]); поэтому только изъ этихъ житій и можно черпать нѣкоторыя подробности древняго быта и просвѣщенія. Такимъ образомъ о писаніи книгъ и книгодѣліи мы имѣемъ свѣдѣнія относительно Иларіона, Никона, Θеодосія; но тоже бывало, конечно, и въ другихъ монастыряхъ. Книгодѣліе на Руси было весьма распространено,—объ этомъ свидѣтельствуетъ обиліе памятниковъ этой эпохи. Соображая лѣтописныя сказанія о книгодѣліи въ Печерскомъ монастырѣ, Лавровскій

---

[1]) См. у Дюканжа, Glossar. Latin. подъ словомъ psalteratus, которое истолковывается такъ: qui *scit legere,* psalterium scilicet. Здѣсь же, въ наставленіи ищущему монашества, Іеронимъ говоритъ: nunquam de manu tua et oculis tuis recedat liber, *discatur psalterium ad verbum.* Не знающій Псалтири не посвящался даже въ епископы.

[2]) Quod ore non possumus, Dei verbum manibus praecedimus. Quot enim libros scribimus, tot nobis veritatis praecones facere videmur.

[3]) Да и о тѣхъ затруднялись писать по скромности христіанской, какъ это можно видѣть изъ повѣствованій Поликарпа объ угодникахъ Печерскихъ. Только повинуясь желанію настоятеля, онъ рѣшается писать о подвижникахъ, но и то съ оговоркою, «чтобы и будущіе черноризцы увѣдали благодать Божію, бывшую на семъ святомъ мѣстѣ и прославили Отца Небеснаго, показавшаго такіе свѣтильники въ Русской землѣ». Говоря объ Антоніи, Поликарпъ замѣчаетъ: «если такое свѣтило угаснетъ по нашей небрежности: то какъ возсіяютъ отъ него лучи? Разумѣю отцовъ препод. нашихъ Печерскихъ... если я умолчу, то они останутся забвенными навсегда, и имена ихъ не помянутся, какъ было до сего дня».

ставитъ вопросъ, не была ли келлія Θеодосія тоже, что scriptorium въ западныхъ монастыряхъ, то-есть, особыя помѣщенія, съ приспособленіями для письма, гдѣ пишущіе были свободны отъ всякихъ помѣхъ своему дѣлу и имѣли подъ рукою все нужное для письма. Очень можетъ быть, что, при простотѣ тогдашней монастырской жизни на Руси, для этой цѣли могла служить и келлія просвѣщеннаго настоятеля.

Стефанъ Новгородецъ (въ половинѣ XIV в.), путешествовавшій на Аθонъ, говоритъ, что нашелъ тамъ своихъ земляковъ—Новгородцевъ Ивана и Добрилу, которые жили въ монастырѣ, «списаючи отъ книгъ Св. Писанія, зане бо искусни зѣло книжному списанію»,—это искусство пріобрѣли они, конечно, на родинѣ, въ школахъ или въ монастыряхъ русскихъ. Припомнимъ, что изъ Студійскаго монастыря «посылали въ Русь много книгъ: уставъ, тріоди и иныя книги» [1]), гдѣ и трудились наши просвѣщенные иноки на пользу родной Церкви и образованія въ тишинѣ и въ неизвѣстности. Тоже дѣлали иноки и въ своихъ монастыряхъ. Каждое собраніе такихъ писцовъ представляло какъ бы особую школу, руководимую опредѣленными правилами, что можно замѣчать и на самыхъ рукописяхъ.

Письмо составляло особое искусство, къ изученію котораго относились весьма тщательно, о чемъ свидѣтельствуютъ рукописи. Въ послѣсловіяхъ ихъ постоянно встрѣчаются прошенія писцовъ не осуждать ихъ за погрѣшности. «Аще кдѣ криво налѣзете, то исправивъше чьтѣте же, а не кльнѣте» (Еванг. 1144 г.); «аще кдѣ буду изгрубилъ, или у тузѣ, или въ печали, или въ бесѣдѣ коли съ другомъ, а вы Бога дѣля исправляюче чтѣте, зане грѣхъ кляти тружающагося Бога ради» (Ев. 1307). Монахъ Лаврентій такъ заключаетъ свою лѣтопись: «и нынѣ господа оци и братья! Оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите, исправливая Бога дѣля, а не клените, зане книгы ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ». Это выраженіе скромности и недовѣрія къ себѣ вообще свойственно нашимъ списателямъ книгъ, смотрѣвшимъ на дѣло свое, какъ на дѣло Божіе. Но изъ этихъ и другихъ заявленій видно, что писцы имѣли опредѣленныя понятія о своемъ искусствѣ,—пиша криво, переступая строку, допуская описки, переписки и недописки, они грѣшили противъ его правилъ. На одной рукописи XI в., заключающей въ себѣ слова Григорія Богослова, сдѣлана искусною рукою надпись: «чьгле кривая главо пиши прямо» (щеголъ, кривая голова, пиши прямо). Вѣроятно надпись сдѣлана руководителемъ писанія (на западѣ они назывались armarius).

Замѣчательно, что рукописи первой эпохи нашего просвѣщенія отличаются особыми достоинствами, какъ въ отношеніи правильности текста, такъ и изящества письма. Правильность письма относилась не къ начертанію только, но и къ правильному употребленію буквъ, строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ, что предполагаетъ уже болѣе или менѣе опредѣленное правописаніе. «Ближайшее разсмотрѣніе памятниковъ древней нашей письменности, говоритъ Лавровскій, совершенно убѣждаетъ насъ въ справедливости такого заключенія: въ нихъ мы дѣйствительно находимъ правильное и послѣдовательное употребленіе буквъ, строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ, которое пріобрѣталось, безъ сомнѣнія, посредствомъ обученія» [2]). Поэтому справедливо полагать, что правила эти были *предметомъ обученія* въ

---

[1]) Сказанія Рус. Нар., Сахарова. II, стр. 53.

[2]) *Лавровскій*, стр. 139. Авторъ дѣлаетъ даже опытъ системы древняго Русскаго правописанія, на основаніи рукописей (стр. 140—171). Изслѣдованіе это составляетъ цѣнный вкладъ въ нашу палеографію. См. также «Судьбы церковнаго языка» *Билярскаго*, стр. 269 и далѣе. Билярскій вмѣняетъ въ большую заслугу дьякову Григорію сохраненіе имъ въ его спискѣ *древняго правописанія*.

тогдашнихъ *школахъ* при обученіи письму. Важнымъ пособіемъ въ этомъ дѣлѣ служила и практика—списываніе образцовыхъ рукописей, которыя могли служить и прописями при обученіи письму.

Пѣніе составляло излюбленное занятіе нашихъ предковъ, именно церковное, оно входило и въ курсъ нашей древней школы. Извѣстно, что пѣніе на богослуженіи въ Софіи Византійской глубоко тронуло и поразило нашихъ предковъ при испытаніи ими вѣръ, въ лицѣ десяти мужей избранныхъ. Съ вѣрою православною явилось у насъ и пѣніе, составляющее важную часть богослуженія. Въ лѣтописи еще въ XI в. упоминается о званіи *демественника,* уставщика и руководителя пѣнія [1]); преемникъ преп. Өеодосія былъ *деместникъ* Стефанъ. Извѣстный Кирикъ, составитель «ученія, имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ», именуетъ себя «грѣшнымъ и худымъ калугеромъ Антоновскимъ (Антоніева Новг. мон.) Кирикомъ діакономъ, *деместникомъ* церкви Пресвятыи Богородицы». Въ древнѣйшемъ житіи Бориса и Глѣба пишется: «архіепископъ же—постави попы и дьяконы и повелѣ имъ пѣти—и постави имъ старѣйшину». Есть свидѣтельство, что и *народъ* самъ *принималъ участіе въ церковномъ пѣніи*. Такъ, при перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба (1072 г.) народъ пѣлъ «Господи помилуй», и «аки изъ пчелъ исхождаше гласъ «Господи милуй» [2]). Пѣнію обучались не только лица духовныя, для коихъ пѣніе было обязательно и составляло необходимость, но и лица свѣтскія. Такъ, св. Борисъ *пѣлъ псалмы* передъ кончиною. Въ походѣ на Половцевъ (1111 г.) «Володимеръ пристави попы своя, ѣдучи предъ полкомъ, *пѣти* тропари и кондаки Хреста честнаго и канунъ Святой Богородицѣ» [3]). Игорь Ольговичъ былъ не только «читатель книгъ», но и «*въ пѣніи* церковномъ ученъ» [4]). Послѣ побѣды надъ Половцами м. Константинъ съ в. к. Мстиславомъ Изяславичемъ благодарственныя пѣсни *велегласно воспѣвше* съ великою радостію, глаголюще: поимъ Господеви». Михаилъ, кн. Тверской, мучимый Татарами, *пѣлъ псалмы* [5]). Димитрій Красный при кончинѣ «нача *пѣти демествомъ*: Господа пойте». И эта любовь князей къ пѣнію сохранялась въ послѣдующее время. Въ XI в. у насъ уже были свои пѣвчіе, уставщики пѣнія и даже пѣснотворцы. Такъ Георгій, «*творецъ каноновъ*», написалъ службу пр. Өеодосію при открытіи мощей его (1095 г.), мученикамъ Борису и Глѣбу, великомученику Георгію. Кириллъ Туровскій также былъ извѣстенъ составленіемъ молитвъ и пѣснопѣній.

Первыми учителями нашими въ пѣніи были Болгарскіе пѣвцы, въ чемъ согласны всѣ изслѣдователи [6]); впослѣдствіи же, со временъ Ярослава, приняли въ этомъ дѣлѣ участіе и Греки [7]). Обстоятельство это весьма важно. Принявъ Св. Вѣру

---

[1]) Domesticus, qui curat ut recte canatur, cantum imponit seu inhoat, опредѣляетъ Дюканжъ въ Glossar. Graec., но это значеніе не вполнѣ точно. Доместики принадлежали собственно царскому двору и пѣніе ихъ было особенно изысканнымъ, нарочитымъ.

[2]) Ст. книга, стр. 213. Причемъ пѣли погречески—«киріе элеисонъ». Тоже пѣли и Звенигородцы въ 1146 г., освободившись отъ враговъ.

[3]) Ипат. л., стр. 2.

[4]) *Татищ.* 11, 313.

[5]) Степ. кн. 309, 432.

[6]) Лавровскій, стр. 175. Ср. Чт. общ. ист. и древн. Рос. 1847 г., № 7, стр. 11.

[7]) Въ 1137 г., по извѣстію лѣтописца, «поставленъ бысть скопецъ Мануило епископомъ Смоленеску, *пѣвецъ гораздый*, иже пришелъ изъ грекъ *самъ третій* къ благолюбивому князю Мстиславу». Подъ 1152 г.: «Въ Кіевъ пришли *тріе пѣвцы* изъ грекъ съ роды своими». Отъ нихъ-то, по словамъ Степенной книги, началось *ангело-подобное* пѣніе, то есть, *изрядное осмогласіе, трисоставное сладкогласованіе* (надо полагать—пѣніе на три голоса) и самое красное *демественное пѣніе* (пѣніе придворное).

и книжное просвѣщеніе на родномъ языкѣ, мы и пѣніе приняли отъ православнаго *Славянскаго народа*, близкаго намъ по духу творчества. Распѣвъ Болгарскій сохранился у насъ и доселѣ.

Къ сожалѣнію, о способахъ обученія пѣнію извѣстій мы не имѣемъ; судя же по его широкому распространенію, по необходимости его при православномъ богослуженіи, по любви къ нему народа русскаго, можемъ полагать, что пѣніе изучалось повсемѣстно, и по всей вѣроятности, болѣе *устно*, съ голоса, такъ какъ греческая нотація крайне сложна и затруднительна для изученія.

Преподавалась ли въ нашихъ древнихъ училищахъ *грамматика?* Прямыхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ; но въ житіи св. Θеодосія пишется, что когда его отдали «на ученье божественныхъ книгъ единуму отъ учителей», то отрокъ «вскорѣ извыче *вся граматикія*, и якоже всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ дѣтищи и о скорѣемь его ученіи». Можетъ быть, грамматика не была предметомъ всеобщаго обученія, но предлагалась способнѣйшимъ. Пособія же по грамматикѣ у насъ тогда были. Переводъ первой у насъ грамматики, подъ заглавіемъ: «Книга Св. Ивана Дамаскина философская о осмихъ частѣхъ слова», сдѣланный экзархомъ Болгарскимъ Іоанномъ, принадлежитъ X в. Этотъ трудъ былъ не столько переводъ, сколько *приспособленіе* Греческой грамматики къ языку Славянскому, о чемъ весьма ясно говоритъ самъ переводчикъ [1]). Одно уже сравненіе славянскаго языка съ Греческимъ могло служить выясненію грамматическихъ формъ перваго, содѣйствовать отчетливости и правильности рѣчи. Намъ извѣстно, что переводы Греческихъ книгъ на Славянскій языкъ и списываніе ихъ продолжались въ весь первый періодъ нашей школы и покровительствовались князьями [2]), а для этой цѣли нужно было знаніе обоихъ языковъ. Самыя рукописи наши, представляющія точность и послѣдовательность въ правописаніи, правильность въ употребленіи формъ, въ построеніи предложеній и періодовъ, указываютъ на знаніе родного языка. Но за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній о преподаваніи грамматики въ школахъ, мы должны отнести изученіе ея къ свободной любознательности особенно даровитыхъ писателей древности нашей, для которыхъ ученіе, начинаясь въ школѣ, продолжалось всю жизнь.

Имъ, этимъ избранникамъ мысли и слова, могли быть доступны и грамматическія свѣдѣнія [3]). Школа же назначалась для дѣтей.

---

[1]) Іоан., экз. болг., стр. 131. См. у *Калайдовича*, Памятн. Рос. слов., 1821 г.

[2]) Зри о Ярославѣ Мудромъ. Для сына его Владиміра «попъ Упиръ Лихый» перевелъ толкованія на пророческія книги, что видно изъ надписи на рукописи: «Слава тебѣ Господи, Царю Небесный, яко сподоби мя написати книги си, ис Куриловицѣ, Князю Володимеру, Новгородѣ княжащю, сынови Ярославлю болшему». Началъ писать 15 мая, а окончилъ 19 дек. 1046 г.

[3]) Любопытно, что переводчикъ грамматики Дамаскина ясно сознавалъ оригинальность строя Славянскаго языка и потому невозможность полнаго приложенія къ нему грамматики Греческой. «Не бо равьне ся можетъ присно полагати, говоритъ онъ, еллинскъ языкъ въ инъ прелагаемъ, и всякому языку, въ инъ прелагаему, тоже бываетъ». Части рѣчи суть: имя, рѣчь (глаголъ), причастіе, мѣстоимене, предлогъ, нарѣчіе, союзъ. Чиселъ три (ед., мн., двойственное); падежей пять: правый (им.), родный (род.), виновный (винит.), дательный и звательный. Глаголы имѣютъ супружества (спряженія), видъ, залогъ, число, образы, времена. Лавровскій допускаетъ, что грамматика могла преподаваться, какъ практическое знаніе. Хмыровъ идетъ дальше. Утверждая, что въ школахъ преподавалась грамматика, онъ пишетъ: «въ связи съ грамматикою преподавались, какъ видно изъ письменныхъ русскихъ памятниковъ XI—XII в. (?), діалектика, риторика и философія, при чемъ первая смѣшивалась съ послѣдней». Но памятники этого вовсе не доказываютъ. Отрывочныя свѣдѣнія изъ сихъ предметовъ въ «Изборникахъ» и «Пчелахъ» вовсе не могутъ служить доказательствомъ мысли Хмырова.

Преподавалось ли въ древнихъ училищахъ *счисленіе,* объ этомъ также нѣтъ дѣній ни за, ни противъ. Лавровскій полагаетъ, что оно могло быть преметомъ ченія, «какъ сообщеніе практическаго умѣнья вести счетъ» [1]), но это мнѣніе ается только предположеніемъ. Обученіе счисленію, вѣроятно, въ видахъ церков-къ потребностей [2]), въ Византійскихъ и Западныхъ школахъ даже предписыва-ь постановленіями соборовъ. Основываясь на трудѣ Кирика, «Ученіе, имже вѣдати овѣку число всѣхъ лѣтъ», Лавровскій приходитъ къ заключенію, что у насъ и своя нумерація, свои названія числъ, свои пріемы счисленія. У Кирика ь задачи до 10 милліоновъ. Такова, напр., задача «испытаніе часовное» олько отъ Адама прошло часовъ до 1136 года). Десять тысячъ обозначались вомъ *тма,* а что выше того, называлося *невѣдіи,* какъ бы числа, выходящія предѣловъ обычнаго *вѣдѣнія* и употребленія [3]). Цифрами, конечно, служили вы Славянской азбуки. Изъ ариѳметическихъ вычисленій Кирика видно, что были знакомы и обычныя ариѳметическія дѣствія. Онъ вычисляетъ индикты, уги солнечные и лунные, количество часовъ и недѣль отъ Адама до 1136 г., ы высокосные; есть задачи и на дробныя числа.

Но оставляя въ сомнѣніи обученіе счисленію въ древнихъ училищахъ, не кемъ не замѣтить, что нужда въ счисленіи, помимо церковной пасхаліи, вызы-ась самою жизнью. Достаточно почитать «Русскую Правду» Ярослава, чтобы этомъ убѣдиться. Въ главахъ «о перевѣсѣхъ», «о закладаючихъ городъ» др., все основано на счетѣ; собираніе даней, десятины, дѣленіе земель же требовало счета [4]); а если такъ, то школа могла удовлетворять и этому бованію.

Итакъ, курсъ ученія въ древне-Русскихъ училищахъ ограничивался *чтеніемъ,* *сьмомъ* и *пѣніемъ*; это неоспоримо и не подлежитъ сомнѣнію; преподавались ли школѣ грамматика, счисленіе и другія знанія, для насъ это безразлично и рдыхъ свидѣтельствъ на это нѣтъ. Курсъ, по видимому, кратокъ и ограниченъ, какіе благодатные плоды принесъ онъ древней Руси, ея просвѣщенію, ея утреннему устроенію. Это кажущееся несоотвѣтствіе результатовъ съ причиною бует нѣкотораго изъясненія.

Ключъ къ уразумѣнію этого историческаго явленія заключается прежде всего взглядѣ нашихъ предковъ на книжное ученіе и чтеніе, о которомъ поэтому длежитъ сказать обстоятельнѣе.

---

[1]) Лавровскій, стр. 180.

[2]) Потребности эти заключались въ опредѣленіи для минейныхъ праздниковъ (Рожд. Хр., говѣщенія), въ опредѣленіи для праздниковъ цвѣтной тріоди (Пасхи, Преполовенія, Вознесенія, тидесятницы), опредѣленіи періодовъ постовъ, въ пріуроченіи зачалъ евангельскихъ къ гласамъ ѣли и т. д. У насъ это опредѣленіе называлось ученіемъ «о круговъ обхожденіяхъ», потому что овывалось на солнечныхъ и лунныхъ кругахъ; вычисленія эти писались въ видѣ таблицы, съ браженіемъ человѣческой руки, называвшейся Дамаскиной, и называлось «пасхаліей зрячей».

[3]) Позднѣе приняты были другія наименованія. Такъ въ одной ариѳметикѣ XVII в. находимъ ой счетъ: «начало великому числу сице: десятью десять то есть *сто,* десять сотъ есть *тысяща,* яща тысящъ то есть *тма,* а тма темъ то есть *легеонъ,* а легеонъ легеоновъ то есть *леодръ,* а дръ леодровъ то есть воронъ, и больше сего числа нѣсть человѣческому уму разумѣти». Но въ ой рукописной прописи 1643 г. послѣ *ворона* употребляется еще *колода.*

[4]) Шестнадцать статей Русской Правды (XVII—XXIII) содержатъ въ себѣ оцѣнку разныхъ дметовъ, представляющую для современныхъ изслѣдователей не малую трудность въ пониманіи де-кной системы того времени.

VIII. Взглядъ нашихъ предковъ на «книжное ученіе и чтеніе».

Наши предки высоко цѣнили грамотность и самому чтенію придавали важное значеніе. Грамотность была для нихъ «дверію, отверзаемою къ уразумѣнію божественнаго писанія», путемъ къ достиженію высшей мудрости, къ уразумѣнію божественныхъ таинъ, средствомъ къ самопознанію и совершенству духовному.

Откуда явился такой взглядъ?

Онъ представляетъ завѣщаніе великихъ и святыхъ Просвѣтителей Славянства. Мы находимъ его въ предисловіи къ переводу св. Евангелія св. Кирилломъ. Вотъ это величавое и полное глубокаго смысла святое завѣщаніе.

«Проглась св. Евангелія, какъ прорекли о немъ пророки: Христосъ грядетъ собрать языки, свѣтъ бо всему міру есть. Они сказали: слѣпые прозрятъ, глухіе услышатъ *слово буковное*, и Бога познаютъ, какъ должно. Итакъ, *услышите славяне вси*: даръ сей данъ отъ Бога... Внушите нынѣ отъ своего ума, *слышите славянскій народъ весь:* слово отъ Бога пришло,—слово, которое *питаетъ* души человѣческія: слово, которое *крѣпитъ сердца и умы;* слово, *уготовляющее* къ Богопознанію. Безъ свѣта не будетъ радости оку видѣть твореніе Божіе: такъ и всякой душѣ безсловесной, не видящей закона Божія... Душа *безбуковная* мертва является въ человѣкахъ». Такая возвышенная рѣчь могла относиться только къ высокому предмету. Св. Просвѣтитель предлагаетъ всему Славянскому народу *чтеніе*, но—чтеніе Слова Божія. Въ этомъ смыслѣ чтеніе, какъ и все «книжное ученіе» понималось и нашими предками. Этотъ взглядъ на грамотность усвоенъ былъ и всѣмъ Русскимъ православнымъ народомъ.

Въ древнѣйшемъ Изборникѣ Святославовѣ (1076 г.) мы находимъ такую похвалу грамотѣ и чтенію.

«Добро есть, братіе, *почитанье книжьное;* паче вьсякому хрьстьяну: блажени бо, рече, *испытаюштии съвѣдѣния его*, вьсѣмь сердцьмь възиштють его; чьто бо рече: испытаюштеи съвѣдѣния его. Егда чьтеши книгы, не тъштися бързо иштисти до другыя главизны, *нъ поразумѣи, чьто глаголють книгы* и словеса та, и *тришьды* обраштяяся о единои главизнѣ; рече бо: въ сьрдьци моемь съкрыхъ словеса твоя, да не съгрѣшу тебѣ. Не рече: усты тъчью изглаголаахъ, нъ и въ сьрдьци съкрыхъ, да не съгрѣшу тебѣ; и *поразумѣван убо истиньнѣ писания, правимъ есть имь;* реку же: узда коневи правитель есть и въздьржание; *праведнику же книгы.* Не съставить бо ся корабль безъ *гвоздии*, ни правьдникъ бес почитания книжьнааго: и яко же плѣньникомъ умъ стоить у родителъ своихъ, тако и правьдьнику о почитаньи книжьнѣмь; красота воину оружие и кораблю вѣтрила, тако и правьднику почитание книжьное; открыи бо, рече, очи мои да разумѣю чюдеса отъ закона твоего; очи бо глаголетъ размыслъ сердечьныи, и прочее.

Не съкрыи отъ мене заповѣдии твоихъ, разумѣи, яко не отъ очию съкрыи, но отъ разума и сердьца. Тѣмь же и похули не поучаюштаяся, глаголя: прокляти укланяюштеися отъ заповѣдии твоихъ; тѣмъ же и самъ ся похвали, глаголя: коль сладъка словеса твоя, паче меда устомъ моимъ, и законъ устъ твоихъ паче тысяшти злата и сребра, и въспѣтъ, глаголя: въздрадуюся азъ о словесьхъ твоихъ, яко обрѣтая користь мъногу; користь бо нарече словеса божія, глаголя: яко обрѣтохъ, недостоинъ сы, такъ даръ, еже ми ся поучяти словесьмъ твоимъ дьнь и ношть.

То мы, братия, *поразумѣимъ и послушаимъ разумьныма ушима и поразумѣимъ силу и поученіе святыхъ книгъ.* Послушаи ты житья святааго василия и

святаа́го Іоанна златоустаа́го и святааго кирила філософа и инѣхъ многъ святыихъ, како и ти съньрва, повѣдають о нихъ рекуште, измлада прилежааху *святыхъ книгъ*, тоже и на добрая дѣла подвигнушася; вижь, како ти начатъкъ добрыимъ дѣломъ поучение святыихъ книгъ, да тѣми, братия, и сами подвигнѣмъ ся на путь житня ихъ и на дѣла ихъ, и *поучимъся въину книжьныимъ словесьмъ*, творяще волю ихъ якоже велять, *да и вѣчьныя жизни достоини будемъ*, въ вѣкы аминь».

Здѣсь чтеніе является путемъ ко спасенію. Въ Пчелѣ (1199 г.), одномъ изъ древнихъ нашихъ сборниковъ, говорится: «*Умъ безъ книгъ, аки птица спѣшена* (безъ крылъ). Якоже она възлетати не можетъ, такоже и умъ недомыслится съвершена разума безъ книгъ. *Свѣтъ дневной есть слово книжное*, его же лишився безумный, акы во тмѣ ходитъ и погибнетъ въ вѣки».

Кириллъ Туровскій убѣждаетъ: «того ради молю вы—*потщитеся прилежно почитати св. книги*, да ся Божіи наставивши словесъ, и будущаго вѣка неизрѣченныхъ благъ стяжете». Обращаясь къ духовному чину, къ просвѣтителямъ народа, онъ говоритъ: «Аще бо міра сего властители, иже въ житейскихъ вещѣхъ труждаются, *прилежно требуютъ* книжнаго почитанія; колми паче намъ подобаетъ учитися въ нихъ, и всѣмъ сердцемъ взыскати свидѣнія словесъ Божіихъ о спасеніи душъ нашихъ писанныхъ». Въ лѣтописи пр. Нестора мы находимъ такую похвалу книгамъ и книжному ученію: «Велика бо бываеть полза отъ ученья книжнаго; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселеную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, яко же и Соломонъ хваля е глаголаше: азъ премудрость вселихъ, свѣтъ, разумъ и смыслъ. Аще бо поищеши въ книгахъ мудрости прилежно, то обрящеши великую пользу душѣ своей; иже бо книги часто чтетъ, то бесѣдуетъ съ Богомъ, или святыми мужи; почитая пророческія бесѣды и евангельскія ученія и апостольская житія святыхъ отецъ, воспріемлетъ душа великую пользу» [1]).

Такая похвала могла относиться только къ книгамъ Св. Писанія и писаніямъ свято-отеческимъ, и вообще къ книгамъ церковнымъ, религіознымъ.

«Аще не вѣси чести, говорится въ одномъ древнемъ поученіи, прилѣпися идеже есть *слышати* и пользоватися. Пишеть бо, аще видиши мужа разумична, *утреннюй* къ нему и степенми двери да входитъ нога твоя» [2]). Народъ нашъ дѣйствительно и доселѣ любитъ не только читать, но и слушать «чтеніе божественнаго». И эта любовь преемственно переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Въ одномъ сборникѣ XV в. пишется: «якоже бо корабль безъ управляющаго вѣтромъ бурнымъ носимь безвѣстно плаваніе творитъ и въ бѣдю пристанище приходитъ. Такоже и душа безъ почитанія книжнаго бурею помышленія злокозненнаго и волнами житія своего возмущаема, не можетъ постигнути пристанища». Митр. Даніилъ (XVI в.) говоритъ, что чтеніе «печаль изгоняетъ, и радость всаждаетъ, и злобу убиваетъ, и страсти истерзаетъ, и къ добродѣтели воздвизаетъ, и отъ земныхъ на небесная преселяетъ». Конечно, это можетъ совершать только чтеніе Слова жизни и благодати.

Эти позднѣйшія свидѣтельства говорятъ о томъ, какъ *крѣпко* установился на Руси взглядъ первыхъ просвѣтителей ея на чтеніе и книжное ученіе.

---

[1]) Лаврент. лѣт., стр. 65 и слѣд.

[2]) Прав. Собес. 58 г., стр. 177.

Первыми книгами на Руси были книги Св. Писанія, особенно псалтирь, богослужебныя книги, писанія отеческія, житія святыхъ, сборники религіознаго содержанія; по нимъ учились грамотѣ и ихъ читали въ школѣ и дома, списывали, сохраняли какъ драгоцѣнность и передавали изъ рода въ родъ. Онѣ служили источниками духовнаго развитія и просвѣщенія нашихъ предковъ. «Книги св. Писанія, говоритъ одинъ изъ современныхъ ученыхъ, были силою умственно и нравственно возсозидающею и возрождающею древле-русскій народъ. Въ нихъ искали своего утѣшенія и укрѣпленія своей вѣры люди, принимавшіе христіанскую вѣру; по нимъ воспитывались люди, просвѣщенные крещеніемъ и преданные вѣрѣ; съ нихъ должны были начинать свое образованіе люди, желавшіе учиться грамотѣ. Самое высшее образованіе состояло также въ изученіи и знаніи книгъ Св. Писанія, книгъ церковно-богослужебныхъ и нравоучительныхъ, вслѣдствіе чего въ устахъ современниковъ заслуживалъ особенную похвалу тотъ, кто изучалъ книги Св. Писанія и *зналъ ихъ напамять*. Самое служеніе книжному дѣлу—списываніе и распространеніе св. книгъ,—считалось дѣломъ богоугоднымъ, святымъ, приличнымъ монашескому служенію и достойнымъ занятіемъ каждаго человѣка, ревновавшаго о распространеніи и пользѣ просвѣщенія и образованія. Древніе сказатели съ особенною любовію останавливаются на разсказѣ о томъ, какъ князья, иноки и просвѣщенные іерархи трудились въ списываніи и дѣланіи книгъ» [1]).

Изъ такихъ источниковъ наши предки поучались знаніямъ, мудрости и благочестивой жизни; подъ ихъ вліяніемъ воспитывалась русская мысль и образовывался весь строй духовной жизни нашего народа. Вліяніе это было чрезвычайно сильно и благотворно. Подъ этимъ вліяніемъ воспитывались наши князья православные, начиная съ св. Владиміра; воспитывались великіе святители и подвижники земли русской, духовные отцы ея, славные писатели, духовный чинъ и свѣтскій, и весь народъ православный, ибо существовало глубокое единство ученія *школы и церкви;* на этой почвѣ развились и укрѣпились завѣтныя преданія старины нашей, первой школы нашей и просвѣщенія народнаго.

При такомъ взглядѣ на «книжное ученіе», на грамотность, кажущееся противорѣчіе между причиною и дѣйствіемъ исчезаетъ; курсъ нашей древней школы является вовсе не узкимъ, ограниченнымъ и недостаточнымъ, напротивъ является обширнымъ по объему, глубокимъ по содержанію, несравненнымъ по образовательной силѣ, а потому не только *просвѣтительнымъ,* но и *воспитательнымъ* въ высокой степени.

Этотъ взглядъ на книжное ученіе усвоилъ народъ нашъ и, принявъ отъ предковъ, сохранилъ его на всемъ протяженіи своей исторіи. Вотъ почему онъ и нынѣ такъ тяготѣетъ *къ церковно-приходской школѣ*. Онъ инстинктивно понимаетъ, что эта школа ведетъ его «царскимъ путемъ» къ истинному просвѣщенію.

Проф. Лешковъ такъ характеризуетъ значеніе древне-русской школы. «Ученіе, или умственное образованіе народа (въ древней Руси), говоритъ онъ, было въ рукахъ *духовенства*, въ рукахъ священниковъ и діаконовъ, слѣдов. распространялось по *приходамъ,* или общинамъ, было *общинное*. Мы начинаемъ наше ученіе, такъ сказать, по порядку училищъ, съ ученія въ *школахъ приходскихъ*. Это значеніе и положеніе древнѣйшихъ русскихъ школъ подтверждается даже въ Стоглавѣ. Но для мыслящаго христіанина приходская школа, учившая его *читать и писать,* могла

---

[1]) *Сольскій*, Употр. и изученіе библіи въ Россіи. Пр. Обозр. 1869 г. Окт.

жить *основаніемъ и глубокой мудрости;* потому что онъ *читалъ* въ ней не ...аду, не Одиссею, не вымыслы человѣческіе, какъ бы ни были они прекрасны, а ...*линное ученіе* о сотвореніи міра,—о явленіи Промысла въ исторіи избраннаго на...а древности,—объ искупленіи отъ грѣха всего человѣческаго рода самою Лю...вію. Потомъ читалъ онъ *проповѣди* и поученія св. отцевъ,—житія угодниковъ Бо...ихъ,—*дѣеписанія* своего народа,—сказанія своихъ паломниковъ и путешествен...ковъ. Высшія школы нужны были, для облегченія его труда; но и безъ нихъ, *...и усиліи самомыслія,* христіанинъ *могъ образоваться до степени духовнаго витіи, ...безсмертія народнаго лѣтописателя.* Сколько великаго могла совершить школа ...менъ Правды, это видимъ мы изъ исторіи перваго Русскаго митрополита Ила...на, изъ житія св. Печерскаго Ѳеодосія,—изъ дѣятельности перваго лѣтописца ...стора и другихъ лицъ» [1]).

Хомяковъ говоритъ, что «различіе между церковною и гражданскою письмен...стію заключается въ томъ, что первая *собираетъ умъ отъ окружности* къ центру, ...торая *разсѣеваетъ его отъ средоточія* къ окружности». Таково различіе и ученія ...рковнаго и гражданскаго. Первое сосредоточиваетъ, ведетъ въ глубь сознанія; ...рое—разсѣеваетъ, разбрасываетъ умъ человѣка и самое знаніе часто дѣлаетъ ...рокою, но мелкою лужею; первое ведетъ къ самопознанію, къ уразумѣнію «еди...о на потребу», второе же,—сообщая знанія внѣшнія, разнородныя, только над...ваетъ умъ; первое охватываетъ внутреннее существо человѣка, возводитъ его къ ...сшему идеалу жизни, второе же дѣлаетъ человѣка только внѣшне образованнымъ; ...рвое имѣетъ глубокую и незыблемую основу, второе такой основы не имѣетъ и ...тому является шаткимъ, непрочнымъ.

Наша древне-русская школа, руководимая церковію, была прочна, устойчива ...шла прямымъ и вѣрнымъ путемъ къ высшей цѣли духовнаго образованія народа.

...X. Воспитательный характеръ школы и идеалъ древне-русскаго воспитанія.

О *характерѣ обученія* въ древнихъ нашихъ училищахъ мало имѣется сви...тельствъ. Извѣстіе Степенной книги о наставленіи м. Михаила учителямъ остается ...чти единственнымъ. Оно говоритъ о кротости и любви въ обученіи, и, какъ ...ше сказано, соотвѣтствовало патріархальнымъ нравамъ и особымъ условіямъ учре...денія школъ своего времени. Обращеніе къ «жезлу», къ суровой дисциплинѣ, ...инадлежитъ послѣдующему времени; въ памятникахъ же съ извѣстіями о пер...ыхъ нашихъ школахъ мы не находимъ ничего такого, что бы опровергало наста...вленіе м. Михаила, а обращеніе съ дѣтьми Леонтія, еп. Ростовскаго, служитъ ...дтвержденіемъ его.

Но для насъ важнѣе всего *воспитательный* характеръ обученія, который ...сомнѣнно принадлежалъ нашимъ древнимъ училищамъ, которыя не были только *...ебищами,* но прилагали заботу о христіанскомъ воспитаніи сердца учащихся. ...авною цѣлію училища была не грамота, не книжность, но просвѣщеніе учащихся ...ѣтомъ ученія Христова, воспитаніе любви къ церкви православной, послушаніе ... заповѣдямъ, добрая жизнь по вѣрѣ; грамотность же служила только *средствомъ* ... этой цѣли.

[1]) *Лешковъ*, стр. 208.

Объ этомъ воспитательномъ характерѣ ученія говорятъ всѣ свидѣтел объ устроеніи училищъ; за него ручается самое учрежденіе ихъ при церк подъ руководствомъ духовенства; о немъ говоратъ самые предметы ученія; на указываютъ и послѣдующія извѣстія о школахъ. Такъ отцы Стоглава заповѣду чтобы священники въ школахъ «учили учениковъ своихъ страху Божію», «наи же берегли и хранили ихъ во всякой чистотѣ и блюли ихъ отъ растлѣнія». М. ханлъ повелѣваетъ учить не только «словесемъ книжнаго ученія», но *«благонр правдѣ и любви,* и зачалу премудрости, *страху Божію, чистотѣ* и *смир мудрію»*, «прилагати имъ *ученіе отъ закона Господня* на пользу души же и тѣ Эти неоцѣненныя черты нравственнаго воспитанія, составляющія высшее до инство нашей церковной школы, и объясняютъ ея глубокое вліяніе на воспит русскаго народа, ея силу, крѣпость, живучесть и любовь къ ней самого нар сохранившуюся до нашихъ дней; только изъ такой школы и могли выходить ликіе свѣтильники церкви нашей, подвижники и просвѣтители русской земли.

Какой же *идеалъ воспитанія* завѣщала намъ древне-русская школа?

Мы находимъ этотъ идеалъ въ древнѣйшихъ поученіяхъ пастырей, въ л писяхъ и завѣщаніяхъ.

Это идеалъ христіанскій-евангельскій, проникнутый любовію, правдою, м ностію, преданностію волѣ Божіей, смиреніемъ, любовью къ отечеству.

Прежде всего всѣ учители наши говорятъ *о крѣпкой вѣрѣ православной.* « братія, пишетъ Лука Жидята, *первѣе всего* сію заповѣдь извѣстно должни есмы крьстіане держати: вѣровати во единъ Богъ, въ Троици славимъ, въ Отца и С и Святаго Духа, якоже научили апостоли, святіи Отцы утвердиша: Вѣрую въ наго Бога—до конца. Вѣруйте же ми крѣсенію (воскресенію), и жизни вѣчнѣ муцѣ грѣшнымъ вѣчнѣй». Въ словѣ изъ «Златой цѣпи» пишется: «Чада моя ми *Первое* имѣйте вѣру праву.., потомъ же и *въ послушаньи Св. Апостолъ и Св. От* «Кто послушаетъ правила святыихъ отецъ и поживетъ лѣта своя, творя волю Б говоритъ Ѳеодосій, житель будетъ вѣчныя жизни».

Замѣчательно, что это послушаніе церкви распространялось и на домаш молитву. Въ уставѣ, «како инокомъ жити», говорится: «Вся же сія (чтеніе п тири, молитву) твори съ совѣтомъ игумена твоего и отца духовнаго, *безъ тѣхъ совѣтовъ ничто же дѣлай духовнаго дѣла, да не отлучишися отъ церкви ник же»*. «Не буди лживъ, писалъ Симонъ Владимірскій Поликарпу Печерскому, в ради дѣла коего *собора церковнаго* (собранія въ церкви, общей молитвы въ хр *не отлучайся.* Ибо яко дождь раститъ семя, тако и церковь влечетъ душу на доб дѣтель. Елико бо твориши въ келіи, аще псалтирь чтеши, или обанадесять пса поеши, все то *ни единому Господи помилуй уподобится соборному»*. Такимъ об зомъ обильное и усердное молитвословіе домашнее не можетъ никакъ сравни съ церковнымъ; одно возглашаемое соборно въ церкви *Господи помилуй* вы всякаго домашняго молитвословія [1]). Здѣсь древность производитъ обличеніе са чиннымъ молитвеннымъ сборищамъ сектантовъ нашего времени.

Древнее воспитаніе наше было чуждо индиферентизма. Имѣя правую вѣ надо ее защищать, исповѣдывать. «Если кто тебѣ скажетъ, говоритъ Ѳеодосій, ту и другую вѣру далъ Богъ, ты отвѣчай: развѣ Богъ двовѣренъ? Не слыш

---

[1]) *А. Вахчаковъ,* Псалтирь съ толкованіемъ. 1894 г. стр. 70. Тамъ же собранъ обил матеріалъ свидѣтельствъ объ употребленіи псалтири въ домашнемъ быту нашихъ предковъ.

что написано: Единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе? И не сказалъ ли Ап. ...лъ: аще и ангелъ благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема будетъ» [1]).

Особенно заповѣдывали предки наши *читать слово Божіе*, то Слово жизни, ...рое, по выраженію св. Кирилла, «питаетъ души человѣческія, которое крѣпитъ ...дца и умы, слово уготовляющее къ богопознанію». Этимъ завѣтомъ полны всѣ ...нія наши поученія. Св. Кириллъ Туровскій пишетъ: «Скажите мнѣ, братія, ...и при восходѣ солнца станетъ кто-либо закрывать свои глаза, съ нежеланіемъ ...дѣть свѣтъ и будетъ говорить: «лучьши есть тма свѣта», одобрите вы его, или осудите? Тоже и *слово ученія*. Свѣтъ бо слово Божіе въ писаніи наречеться и есть болій видимаго сего свѣта: се бо плътьстѣи очи просвѣщаетъ, а онъ душ...нѣи». Предки наши не только изучали св. Писаніе, но и *толкованія*, и отече...я писанія, о чемъ свидѣтельствуетъ литература того времени. Псалтирь изуча...ь въ школахъ *наизусть*. Нѣкоторые же знали и другія книги. О Никитѣ за...рникѣ (XI в.) Поликарпъ пишетъ: «не можаше никто стязатися съ нимъ кни...ъ ветхаго завѣта: весь бо *изъ устъ* умѣаше—Бытіе, Исходъ, Левитъ, Числа, ...іи, Царство и вся пророчества по чину и вся книги жидовскія». Въ посланіи Симона Поликарпу говорится: «вѣси ли, брате, яко благодатію Божіею могу *отъ всѣхъ ...ъ* сказати тебѣ полезная» [2]).

Въ основаніи нравственнаго воспитанія полагался *страхъ Божій*. «Се же *концъ* всему, страхъ Божій имѣйте выше всего», заповѣдывалъ Мономахъ сво...ъ дѣтямъ. Этотъ страхъ есть страхъ любви, въ немъ нѣтъ устрашенія,—онъ ...шій охранитель человѣка на жизненномъ пути. «*Первое* Бога дѣля и души своея, ...ахъ имѣйте Божій въ сердци своемъ». Итакъ, страхъ Божій есть начало и ...нецъ воспитанія.

Одну изъ важнѣйшихъ задачъ воспитанія составляло развитіе въ дѣтяхъ *духа ...жовности*, любви къ *богослуженію*, навыка въ исполненіи *заповѣдей* церковныхъ. ...е лѣнитеся *къ церкви ходити*,—учитъ Лука Жидята,—на заутреню, и на обѣд..., и на вечерню; и въ своеи клѣти хотя спати, Богу поклонився, толико на по...ли лязи. *Въ церкви* предстоите со страхомъ Божіимъ: не молви рѣчи, но ни ...ли, но моли Бога всею мыслью, да отдасть ти Богъ грѣхы».

Примѣромъ такого воспитанія является Св. Ѳеодосій, «иже влекъмь на любъвь ...ію, и хождаше *по вся дни* въ църковь божію, послушая божественныхъ книгъ всѣмь вниманиемъ» (Несторъ). «Вас приходящихъ (въ храмъ) хвалю и благо...ляю, говоритъ Св. Кириллъ Туровскій,—кождо же васъ молю вы, приходящихъ ...,—аще сусѣда имате, или родичи, или жену, или дѣти, то *позывайте къ церкви* ..., и поучитеся душеполезнымъ словесемъ». Пр. Ѳеодосій убѣждаетъ: «Молю вы, ...тіе, *съ страхомъ и любовію другъ другу стоимъ на молитвѣ*, и *воистину моля...я*, речемъ: «да ся исправитъ молитва моя, яко кадило предъ тобою, въздѣяніе ...у моею, жертва вечерняя». Да еще руцѣ твои ничто же имата грабленія: добрѣ глаголеши, рька: «въздѣяніе руку моею». Оглядай убо руцѣ си и испытай о ..., да аще ничто же имата грабленія и нечистааго рѣзоиманья (лихоимства)». ...сноречиво говоритъ Мономахъ о дняхъ поста и покаянія: «Восіяетъ *весна постная, ...вѣтъ покаянья:* очистимъ собе, братья, отъ всякоя крови плотьскыя и душев..., свѣтодавцю вопьюще рцѣмь: слава тобе, человѣколюбче!»

[1]) Приводимыя въ переводѣ мѣста изложены по переводу арх. Филарета и Погодина.
[2]) Патер. печ., стр. 194 на обор.

4*

Говоря о соблюденіи *постовъ*, Θеодосій особенно заповѣдуетъ хранить св. Четыредесятницу: «се бо есть десятина, даемая отъ тѣла Богу, въ няже дни очиствившися душа, празднуетъ свѣтло на воскресенье Господне, веселящееся о Бозѣ. Постное бо время очищаетъ умъ человѣку». М. Никифоръ съ истиннымъ краснорѣчіемъ пишетъ о постѣ цѣлое посланіе (Мономаху) [1]). Особенно заповѣдывалась *любовь къ монастырямъ,—къ церкви* Божіей и къ *чину церковному*. «*Поминаита монастыря,* пишетъ Ксенофонтъ дѣтямъ въ завѣщаніи, чьрноризьцѣ стыдитася и чьтета и милосерьдуита».—«*Чтите отъ всего сердца іерея Божія*, чтите *и слуги церковныя*», пишетъ Лука Жидята. Вмѣстѣ съ тѣмъ заповѣдывалось исполнять *дѣла милости* тѣлесной и духовной, особенно заботиться о больныхъ, нищихъ, убогихъ, сиротахъ. «Всего паче, пишетъ Мономахъ, *убогихъ не забывайте,* но елико могуще, по силѣ кормите, и вдовицю оправдите сами».—«И милостыню творя нескудну, то бо есть начатокъ всякому добру». Лука Ж. пишетъ: «Помните и *милуйте странныя, и убогыя,* и гладныя, и темничны, и своимъ сиротамъ милостиви будете». «Болного присѣтите; *надъ мертвеца идѣте*, яко вси мертвени есмы; и человѣка не минѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите» (Мономахъ). *Почитаніе родителей и старшихъ* считалось важнѣйшимъ долгомъ дѣтей. «*Чтите стара человѣка и родителя своя*», говоритъ Лука Ж. И Мономахъ: «старыя чти яко отца, а молодыя яко братью». Дѣтямъ старались внушать *смиреніе* и *кротость*: «*Будете смирени и кротци,* да и послуж(ш)ници будете и творци Божіимъ заповѣдемъ; въ гордаго бо сердци діаволъ сидить, и Божіе слово не хощеть прилнути ему». Всѣ эти качества христіанскія совпадали съ природными нравственными качествами нашихъ предковъ, которые извѣстны были привѣтливостью, гостепріимствомъ, заботами о бѣдныхъ, недужныхъ, и вообще представляли народъ миролюбивый, добрый, участливый.

Предки наши старались воспитать въ дѣтяхъ любовь къ *правдѣ, искренность, честность* въ житейскихъ отношеніяхъ, *миролюбіе, вѣрность слову*. Лука Жидята пишетъ: «Любовь имѣите *со всяцѣмъ человѣкомъ,* а болѣ зъ братіею, и *не буди ино на сердцѣ, а ино въ устѣхъ;* но подъ братомъ ямы не рый, да тебе Богъ въ горшая тоя не вринетъ. Но *буди правдивъ*... претерпите братъ брату и всякому человѣку, а не взъдайте зла за зло».—«Не мози *свадити*, да не наречешися сынъ діаволу; но смиряй, да будеши сынъ Богу». «Не осуди брата ни рѣчью, ни мыслію, поминая своя грѣхы, да тебе Богъ не осудить». «Другъ друга похвали, да и Богъ вы похвалить».—Мономахъ даетъ такія правила благовоспитанности: «при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ точными (равными) и меньшіими любовь имѣти, безъ лукы бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словесы». «Лжѣ блюдитеся»... «Куда же поидете, идѣже станете, напоите, накормите унеина; и *болѣ же чтите гость,* откуду же къ вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромь, брашномь и питьемь; ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымь, любо злымь».

«Цѣлуйте (крестъ, въ присягѣ или клятвѣ) и *цѣловавше блюдѣте,* да не преступна погубите душѣ своеѣ». Глубокая *вѣра въ Провидѣніе* научала предковъ нашихъ терпѣляво переносить скорби, испытанія, въ сознаніи, что причиною всѣхъ

[1]) Строгое соблюденіе постовъ почиталось очень важнымъ, и когда возникъ вопросъ, какъ соблюдать посты въ среду и пятокъ, если на эти дни придется великій праздникъ, то русскіе іерархи собрали даже соборъ (1168 г.), а еп. Черниговскій Антоній пострадалъ отъ князя за свою строгость въ этомъ отношеніи.

ъ наша грѣховность, что только молитвою, покаяніемъ, исправленіемъ можно ратить гнѣвъ Божій. Это коренное воззрѣніе народа передавалось воспита-іемъ,—оно высказывается въ нашихъ лѣтописяхъ, передается въ поученіяхъ, въ ѣщаніяхъ.

«Наводить Богъ, по гнѣву своему, казнь каку либо, или поганыя, зане не стягнемся къ Богу; а усобная рать бываеть отъ сълблажненія діаволя и отъ злыхъ человѣкъ. Богъ бо не хощетъ зла человѣкомъ, но блага...—Странѣ убо согрѣшивши коей любо, казнитъ Богъ смертью, или гладомь, или наведеніемъ поганыхъ, и бездождіемъ, и инѣми различными казньми. Аще ли покаявшеся будемь въ емь же ны Богъ велить быти,—глаголеть бо намъ пророкомь: обратитеся ко мнѣ всѣмь сердцемъ вашимь, постомь и плачемь (Іоил. 2, 12)» (Св. Өеодосій).

«Въ напасти терпи, говоритъ Лука Жидята, на Бога упованіе имѣя».

Этотъ взглядъ не велъ къ унынію и отчаянію, напротивъ, спасалъ отъ нихъ, давалъ бодрость и вѣру въ душу при испытаніяхъ. Мономахъ говоритъ своимъ дѣтямъ: «Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, *како вы Богъ подастъ*, оже бо язъ отъ рати и отъ звѣри, и отъ воды, отъ коня спадаяся, то ни кто же васъ не можетъ вредитися и убити, *понеже не будеть отъ Бога повелѣно;* а иже будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могутъ отъяти, но отче добро есть блюсти, *Божіе блюденье лѣплье есть человѣческаго*».

«Господь бо нашь не человѣкъ есть, но Богъ всей вселенѣ, иже хощеть, въ мгновеньи ока вся створити хощеть, то самъ претерпѣ хуленье и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животомь владѣя и смертью; а мы что есмы человѣци грѣшніи? ли си день живи, а утро мертви, день въ славѣ и въ чти, а заутра въ гробѣ и безъ памяти, ини собранье наше раздѣлять. *Зри, брате, отца наю:* что взяста, или чимь има по ротѣ? но токмо оже еста створила души».

Прежде всего заботься о душѣ своей; но трудись съ вѣрой, что Богъ охранитъ тебя. Не будь трусомъ, который всего боится: жизнь наша въ рукахъ Божіихъ,—Господь есть Владыка жизни и смерти.

Любовь къ труду, презрѣніе къ лѣности также составляли черты добраго воспитанія. «Лѣность бо всему мати, еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, тому ся не учить: добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе: первое къ церкви, да не застанеть васъ солнце на постели» (Мономахъ).

Преподобный Өеодосій завѣщаетъ «*бодру быти* на пѣнье церковное, и на преданья отечьская и почитанья книжная».

Мономахъ завѣщаетъ дѣтямъ: «Аще забываете всего, а часто прочитайте: и мнѣ будеть безъ сорома, и вамъ будеть добро. *Его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите:* яко же отець мой дома сѣдя изумяше пять языкъ: въ томъ бо честь есть отъ иныхъ земль».

Такому правилу слѣдовалъ Даніилъ Заточникъ, который говоритъ о себѣ: «Азъ бо, княже господине, ни за море ходихъ, ни отъ философъ научихся, но быхъ яко пчела падая по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя медведный сотъ; тако и азъ по многымъ книгамъ избирая сладость словесную и разумъ, совокупихъ яко мѣхъ воды морскыя, а не отъ своего разума, но отъ Божія промысла».

Жажда знанія у нашихъ предковъ была велика и она удовлетворялась изъ чистыхъ источниковъ.

Въ посланіи м. Никифора (1104—1121) В. Мономаху мы находимъ *психологическое ученіе* о воспитаніи. Авторъ говоритъ о способностяхъ души—разумѣ,

чувствѣ и волѣ, и затѣмъ — о правильной дѣятельности *наших чувствъ*—
слугъ души». *Разумомъ* мы отличаемся отъ животныхъ: «имъ мы познаемъ
и прочія творенія; имъ, при правильномъ его употребленіи, восходимъ къ ра
нію самого Бога». Неправильное употребленіе разума ведетъ къ паденію, прим
денница-ангелъ.

«Чувство выражается въ ревности по Богѣ и въ непріязни къ врагамъ
жіимъ». Неправильное употребленіе его обнаруживается злобою, завистью, св
рыстіемъ. (Приводятся примѣры изъ исторіи).

Воля выражается въ стремленіи къ Богу. «При добромъ употребленіи
человѣкъ имѣетъ постоянное желаніе къ Богу, забывая о всемъ прочемъ; ж
просвѣщенія отъ Него; наслаждается веселіемъ въ самыхъ злыхъ страданіяхъ
Бога». Душа въ тѣлѣ—какъ свѣтлое око, она «наполняетъ своею силою все т
Слуги души внѣшнія чувства должны быть здоровы, чисты и дѣйствовать прав
иначе они могутъ вводить въ заблужденіе душу [1]). По взгляду Никифора,
купность дѣятельности душевныхъ силъ должна приводить человѣка къ Богу
правдѣ, къ высшей духовной жизни. Такой педагогическій взглядъ на душе
дѣятельность человѣка сдѣлалъ бы честь и нашему времени.

О внутреннемъ самоограниченіи и самоуправленіи Мономахъ въ поучені
дѣтямъ своимъ пишетъ: «Научися, вѣрный человѣче, быти благочестной дѣла
научися по евангельскому словеси, *очима управленье, языку удержанье, уму*
ренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, *понуждаяс*
добрая дѣла Господа ради: лишаемъ не мьсти, ненавидимъ, любо гонимъ—т
хулимъ—моли».

Для полной характеристики идеала древне-русскаго воспитанія слѣдуетъ
сказать, что оно было *высоко-патріотическимъ*. Русская земля являлась о
отчиною для всѣхъ сыновъ ея. Св. вѣра, языкъ, преданія, бытъ все было об
для Руси. Вѣрность князю было вѣрностью народу [2]). «Бога ся бойте, гово
Лука Ж., князя чтите; раби—первѣе Богу, таже Господу». Патріотическій ха
теръ древняго воспитанія особенно ярко обнаруживается на нашихъ князьях
смотря на то, что Русь переживала удѣльное время, когда интересы князей
низались. «Русская земля, замѣчаетъ Погодинъ, была безпрестанно на уста
князей, у духовенства, у лѣтописателей». Благородныя мысли и чувства обнар
вались преимущественно при мысли *о всей Русской земли*, которой единство кн
всегда сознавали, не смотря на свои междоусобія, чѣмъ доказывается развитіе
нихъ гражданскаго чувства, любви къ отечеству [3]).

Св. Борисъ и Глѣбъ объявляются вездѣ «заступниками *земли* Русской».
номахъ предлагаетъ разсужденіе, «како быхомъ промыслили *о Русской земли*»,
сильно желалъ сложить голову *за Русскую землю*. Въ 1097 г. князья собрали

---

[1]) Никифоръ собственно имѣлъ въ виду неправильность *слуги* княжескаго. Князь сам
не можетъ видѣть, служащіе же ему орудіями иногда представляютъ ему донесенія невѣрн
вреду управленія.

[2]) Въ словѣ изъ «Златой цѣпи» (Филаретъ приписываетъ его м. Кириллу) говорится: «
земли вашей покаряйтеся; не рцѣте ему зла въ серци своемъ и пріяйте ему головою своею,
чемъ своимъ, и всею мыслію своею, и не возмогутъ противитися князю вашему. Аще добрѣ
сте князю вашему, и обогатѣетъ земля ваша, и плодъ добръ объемлете». Авторъ сравниваетъ н
ность князю съ измѣною жены мужу, называетъ ее дѣломъ Іуды.

[3]) *Погодинъ*, Др. Р. Ист. II, стр. 743.

...бечъ на совѣтъ: «почто губимъ *русскую землю*, сами на ся котору (вражду) ...юще... *Блюдемъ Русскыя земли*». Митрополитъ, увѣщая Мономаха оставить осаду ...ва, говорилъ: «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣтѣ погубить *...скіѣ земли*». «Се слышавъ Володимеръ, росплакався и рече: поистинѣ *отцы ...ши и дѣды наши соблюли землю Русьскую*, а мы хочемъ погубити»... Лѣтопи...ъ называетъ Мономаха *«страдальцемъ за Русскую землю»*.—«Мы вѣдаемъ ми...рдіе Ярославче, говорили Черниговцы своему кн. Всеволоду Ольг., тъ бо *соблю...ть землю Русскую*». В. Кн. Изяславъ Мстиславовичъ на войнѣ въ Галичѣ (1152) ...ритъ: «Братья и дружино! Богъ всегда *Русскія земли* и *Русскихъ сновъ* въ ...честьѣ не положилъ есть: на всихъ мѣстѣхъ честь свою взимали суть». Тотъ же ...зь сзываетъ (1169 г.) другихъ князей на Половцевъ. Князья отвѣчали: «Богъ ... брате, помози... а намъ дай Богъ *за крестьяны и за Русскую землю* головы ...и сложити, и къ мученикамъ причтенными быти». Онъ же соглашался на миръ ...48 г.) «*Русскія дѣля земли* и *крестьянъ дѣля*». Смерть за отечество считалась ...вною смертью, исполненіемъ долга предъ родною землею. «Лучше есть *на своей ...лѣ* костью лечи, нели на чюжѣ славну быти» (Волын. Лѣт.).

Въ такомъ духѣ крѣпкой любви къ отечеству, до готовности умереть за него, ...питывала наша древняя школа молодое поколѣніе.

Трогательнымъ выраженіемъ крѣпкаго единства *всей Русской земли*, въ со...ніи ея сыновъ, является разсказъ игумена Даніила о томъ, какъ онъ просилъ ...русалимскаго князя Балдуина о позволеніи повѣсить лампаду *за всю Русскую ...лю*.

«Азъ же рекохъ ему: господине княже, молюся тебѣ Бога ради и князей ...ма Рускыхъ, хотѣлъ быхъ и азъ поставити *кандило свое* надъ Гробомъ Господ...мъ *за вся князя наша и за всю Рускую землю, за вся христіане Рускыя ...лія*».

Разрѣшеніе было дано, и простой, невѣдомый монахъ, на далекой чужбинѣ, ...ководимый и побуждаемый единственно трогательнымъ національнымъ и религіоз...мъ чувствомъ, повѣсилъ свою скромную «стеклянную» лампаду у Св. Гроба ...сподня «за всю Русскую землю». Сколько величія въ этой простотѣ, и какъ без...нна эта простенькая лампада Русскаго человѣка, поставленная съ моленіемъ за ...сь народъ Русскій; какъ свята, крѣпка и жива эта благодатная связь народа ...ры! И куда ни приходилъ Даніилъ, какой святынѣ ни поклонялся, вездѣ пер...мъ движеніемъ души старца была молитва «за Русскую землю», за народъ пра...славный, и дѣлаетъ онъ это великое дѣло въ смиреніи, какъ святой долгъ. «Богъ ...му послухъ и святый Гробъ Господень. Въ всѣхъ сихъ мѣстѣхъ святыхъ *не за...ихъ* именъ князь Рускыихъ, и княгынь ихъ, и дѣтій ихъ, ни епископовъ, ни ...меновъ, ни бояръ, ни дѣтій моихъ духовныхъ, *ни всѣхъ христіанъ николиже ...забывалъ есмь, но вездѣ поминалъ есмь въ молитвахъ*. О семъ похвалю пре...таго Бога моего, яко сподоби мя *написати* имена Рускыихъ князь въ Лаврѣ ...в. Савы, и нынѣ поминаются въ октеніихъ. - - (имена ихъ);—толико бо есмь по...алъ именъ ихъ, да тѣхъ и вписалъ есмь; прочее же *о всѣхъ Рускыхъ князей ... боярехъ и о всѣхъ христіанехъ Рускыя земля*».

Таковъ идеалъ древняго Русскаго воспитанія и таковы его благодатные плоды. ...ши *лѣтописи*, простыя, безпристрастныя, правдивыя, полны любви къ отечеству, ...гочестивой вѣры въ охрану его Промысломъ, «за молитвъ святыя Богородица» ...угодниковъ Божіихъ. Это *живая школа для развитія національнаго чувства.*

любви къ отечеству, вѣры въ его великое будущее, подъ покровомъ небесн[аго] Промысла.

Замѣчательно, что въ завѣщаніяхъ дѣтямъ, отцы, давая имъ добрые совѣ[ты], прямо говорятъ, чтобы дѣти слѣдовали *примѣру* ихъ—родителей. Значитъ, у [ро]дителей слово съ дѣломъ не расходилось; родители жили такъ, какъ вѣровали, [и] давали дѣтямъ примѣръ доброй жизни. Какъ высока школа, изъ которой выход[или] такіе отцы! Можетъ ли школа нашего времени похвалиться такимъ воспитаніе[мъ?]

Въ такъ-называемомъ поученіи дѣтямъ Ксенофонта, «еже глагола къ сын[ома] своима», пишется: «Азъ чадѣ реку вама человѣчя житие отити хощу: *вѣста бо*, к[ако] въ житии семъ жихъ безлукы, како отъ вьсѣхъ чьстьнъ бѣхъ и любимъ, не сана р[ади] велика, нъ но ровъмь великъмъ: не укорихъ никого же, не вередихъ, и никогоже [не] оклеветахъ, ни завидѣхъ никомуже... не оставихъ церкве божия, вечеръ, ни заут[ра], ни полудне: не прѣзьрѣхъ ништиихъ, ни оставихъ страньна и печальна не прѣ[зь]рѣхъ никогда же.. *тако и вы живета* чадѣ мои, да и ваю Богъ ублажить и дл[го]лѣтьна явить и сътворить». Въ заключеніе завѣщанія Ксенофонтъ еще разъ го[во]ритъ: «съ проста (искренно) реку, *еже мя видѣста творящтя, и вы творита*».

Такимъ образомъ *основою* воспитательнаго идеала древней православной Р[уси] былъ законъ Евангельскій. Идеалы ветхозавѣтные,—воспитаніе жезломъ, розг[ами], суровостью,—явились *позднѣе*. Мы не имѣемъ ни одного памятника первой эп[охи] нашихъ училищъ, который бы говорилъ иное; а приведенныя свидѣтельства [ри]суютъ намъ идеалъ воспитанія въ духѣ любви. Что наши предки хорошо разумѣ[ли] величіе *закона благодати* предъ закономъ Моисея, объ этомъ свидѣтельствуе[тъ] слово митрополита Кіевскаго Иларіона: «О законѣ Моѵсеомъ даннѣемъ, и о бла[го]дати и истинѣ, І. Хр. бывшіихъ, и како *законъ отъиде, благодать же и исти[на] всю землю исполни*» и пр. «И что успѣ законъ? Что ли благодать? Прежде [за]конъ, потомъ благодать; прежде стѣнь ти, потомъ истина», говоритъ Иларіонъ. К[то] обладаетъ истиною, тому тѣнь не нужна. И нынѣ «вси, ветхая отложше,—но[вое] держать, по пророчеству Исаину: ветхая мимоидоша, и новая вамъ возвѣща[ю]. Пойте Богу пѣснь нову»... Эта «новая пѣснь» возвѣщалась въ церкви, звучала [въ] школѣ, проходила въ жизнь и возвышала ее въ лучшихъ представителяхъ наро[да] до высокаго христіанскаго идеала [1]).

X. Значеніе церковно-приходской школы для древней Руси [и] плоды ея для образованія Русскаго народа.

Церковно-приходская школа есть неоцѣненный даръ провидѣнія для пра[во]славной Руси. Чуднымъ образомъ Господь просвѣтилъ Русскую землю свѣто[мъ] ученія Своего, устроилъ Свою святую церковь въ ней; чуднымъ образомъ, по[д] сѣнію и руководствомъ этой церкви, Русь вступила на путь образованія. Шко[ла]

[1]) Могутъ сказать, что жизнь народа въ эту эпоху представляла не мало темныхъ сторо[нъ], съ которыми и боролись наши пастыри; каковы—двоевѣріе, суевѣріе, нравственные пороки. Все [это] такъ. Но мы изображаемъ не жизнь въ ея отрицательныхъ явленіяхъ, а *идеалъ воспитанія*, нач[ер]танный въ литературной письменности той эпохи и возвѣщавшійся съ каѳедры церковной и [въ] училищахъ того времени. *Осуществленіе* этого идеала предки наши видѣли въ жизни древни[хъ] святителей, подвижниковъ и лучшихъ людей своего времени. Идеалъ воспитанія показываетъ, [къ] чему стремились наши предки въ образованіи юношества, какихъ цѣлей желали достигнуть [въ] книжномъ ученіи и въ жизни.

рковная сразу и повсемѣстно охватила всю Русь. Народъ принялъ ее съ расположеніемъ, съ довѣріемъ и любовію; школа оправдала это довѣріе и глубоко вошла въ народную жизнь, какъ живой и неизъемлемый ея элементъ. Девять вѣковъ прошло въ смѣнѣ временъ надъ Россіей, но два учрежденія сохранились въ ней незыблемо: церковь и ея дитя—школа церковно-приходская. Эта школа живуча и крѣпка своею связью съ церковію, своими преданіями, любовью народа православнаго. Развѣ это не удивительное явленіе въ нашей исторіи! Незыблемость церкви понятна—она есть учрежденіе Господа Спасающаго, она вѣчна, и «врата адовы» не сокрушатъ ее; но школа—дѣло рукъ человѣческихъ. И какія бури и невзгоды переживала эта школы: и татарское иго, и польское нашествіе, и стремленіе властителей измѣнить ее по западно-европейскому образцу, и въ наши дни—попытки замѣнить ее другою «новою» школой, богатой матеріальными средствами, живущей иным̃ъ духомъ; а она, эта бѣдная, скудная, скромная школа, жива и не только жива, но и охватываетъ всю Русь православную, вновь воскресаетъ, ростетъ и, хранимая церковію, поддерживаемая Государемъ и народомъ, вновь занимаетъ свое высокое просвѣтительное положеніе...

Мы видимъ и знаемъ, что̀ выносилъ народъ Русскій изъ этой школы съ первыхъ поръ ея возникновенія.

Онъ выносилъ изъ ней *грамотность, любовь къ церкви* православной, *вѣрность государю и отечеству,* здоровый, правильный *взглядъ* на жизнь и ея задачи, христіанскія понятія *о правдѣ, о любви, о послушаніи церкви, о долгѣ, о совѣсти, о высшемъ призваніи человѣка.* Люди же высокихъ талантовъ и дарованій, посвящавшая себя и по выходѣ изъ такой школы чтенію св. Писанія и отеческихъ писаній, удовлетворяя свою любознательность, жажду ученія, достигали высокой степени образованія, о чемъ свидѣтельствуетъ письменность этой эпохи.

Выше было сказано (см. введеніе) о благопріятныхъ историческихъ условіяхъ для начала нашего древняго образованія. Къ сказанному присоединимъ еще нѣсколько замѣчаній. *Связь съ Греціей и Болгаріей* была весьма благопріятна для нашего образованія. Византія обладала богатыми сокровищами духовной литературы, которыя привлекали вниманіе и любознательность русскихъ. Митрополиты, пріѣхавшіе изъ Греціи, были люди ученые, просвѣтительные, они привозили съ собою книги, имѣли переводчиковъ [1]) и дѣятельно заботились объ устроеніи школъ, объ образованіи паствы.

Правда, творческій духъ Грековъ въ это время ослабѣлъ; Византійское образованіе этой эпохи не имѣло уже внутренней свѣжести, силы и жизненности, оно замкнулось въ сухія отвлеченныя формы. «Утонченная діалектика вмѣсто богословія, искуственныя умозрѣнія въ философіи, декламація вмѣсто истиннаго красноречія,—вотъ что составляло предметъ ученыхъ занятій Византійскихъ Грековъ той эпохи» [2]). Но во первыхъ, церковь и тогда не оскудѣла жизнью; а во вторыхъ, она была хранительницею неумирающихъ, вѣчно живыхъ произведеній отеческихъ и преданій церкви вселенской, соборной, апостольской. Наконецъ, особенность славянской натуры спасала ее отъ сухой схоластики, изысканной діалектики и отвлеченныхъ умозрѣній. Народъ Русскій, полный жизненныхъ силъ, свѣжій, юный,

[1]) Краснорѣчивый м. Никифоръ не зналъ Русскаго языка и бесѣдовалъ съ паствою черезъ переводчиковъ. Въ словѣ въ нед. Сыропустную онъ говоритъ: «Не данъ мнѣ даръ языковъ.., отъ того стою я посредѣ васъ безгласенъ и безмолвенъ».

[2]) *Лавровскій.*

искренно и правдиво увѣровавшій, всей душей отдался святой вѣрѣ, искалъ въ ней жизни и находилъ ее, и усвоялъ то изъ Византійской образованности, къ чему стремилась душа его. Запасъ же сокровищъ церкви Греческой былъ такъ великъ, что вполнѣ могъ удовлетворять пробудившейся въ Русскомъ народѣ жаждѣ просвѣщенія. И онъ пользовался ими не скудно, а съ избыткомъ. При іерархическомъ союзѣ Русской церкви съ Константинопольскою, постоянно поддерживалось живое и дѣятельное общеніе между ними. Богатая письменность отцевъ церкви Греческой была живымъ источникомъ, высшимъ образцомъ и неистощимымъ матеріаломъ для только что возникавшей письменности Русской. «Усвоеніе нашею церковью богослужебныхъ книгъ и твореній св. отцевъ и учителей греческой церкви, замѣчаетъ одинъ изслѣдователь, было не внѣшнее только, въ переводахъ, но проникало въ самую жизнь, въ самый духъ ученія и просвѣщенія Русской церкви, а за нею—(чрезъ школу)—и *всего народа.* Они были источникомъ и первообразомъ ученія и твореній русскихъ учителей и писателей».

Предки наши обладали яснымъ умомъ, здравымъ сужденіемъ, крѣпкою волею; они были люди дѣла, труда и подвига, люди жизни, а потому вѣчно живыя, неоцѣненныя сокровища они взяли и усвоили, а блестящую мишуру Византійской схоластики они отринули, какъ пчела, собирающая только медъ изъ цвѣтовъ.

О значеніи болгарской школы и литературы для нашего просвѣщенія было уже сказано.

Провидѣніе устроило такъ, что Русь православная восприняла св. Церковь, ея ученіе, преданія и великія сокровища ея отцевъ и учителей, отъ *Византіи* въ то время, когда ей уже готовилось *паденіе;* восприняла Русь и святыню завѣтовъ Кирилла и Меѳодія и плоды церковной образованности и письменности *Болгаріи,* когда этой послѣдней готовился *разгромъ* и уничтоженіе свободной политической жизни. И Русь явилась *достойною наслѣдницею обѣихъ:* она усвоила, свято сохранила и соблюла завѣщанные ей Провидѣніемъ дары; но получивъ отъ Бога такіе «таланты», она и пріумножила ихъ въ мѣру силъ своихъ и дарованій.

Не безъ вліянія на наше образованіе были *внѣшнія сношенія* древней Руси. Извѣстно, что наши князья стояли въ брачныхъ союзахъ съ иноземными государями Европейскими, не только съ Византійскими, но и съ императоромъ Германскимъ, съ королями Французскимъ, Венгерскимъ, Польскимъ и Чешскимъ. Рядомъ съ этимъ шли внѣшнія торговыя сношенія, которыя также усиливали потребность образованія, нужду въ грамотности [1]). Наконецъ, важное образовательное значеніе имѣли *странствованія* нашихъ предковъ въ св. землю, на Аѳонъ и другія святыя мѣста. Эти путешествія начались рано. Побѣждая всѣ препятствія и затрудненія, паломники посѣщали чужія земли, знакомились съ жизнью другихъ народовъ, преимущественно Славянъ, умножали свои свѣдѣнія и приносили ихъ въ отечество. Какъ люди грамотные, они составляли *записи* своихъ хожденій, которыя среди нашихъ предковъ пользовались большимъ сочувствіемъ и распространеніемъ. Паломники же приносили и *рукописи,* которыя писались нашими же доброписцами въ монастыряхъ Аѳона и Византіи. Такъ Ефремъ, по порученію св. Ѳеодосія, принесъ изъ Византіи Студійскій уставъ; св. Варлаамъ ходилъ въ Іерусалимъ и Цареградъ, гдѣ покупалъ нужныя монастырю вещи; Даніилъ игуменъ (1115 г.), обошедшій всѣ

---

[1]) Кромѣ внутренней торговли, Русь торговала съ Византіей, Кіевъ—съ Половцами, Новгородъ съ Германіей, Даніей, Норвегіей, вообще съ сѣверомъ, черезъ Астрахань и Булгары шла торговля съ востокомъ.

мѣста, встрѣчалъ у гроба Господня много земляковъ; кн. Янка и Ефросинія были въ числѣ паломницъ. Изъ вопросовъ Кирика (1136 г.) видно, что въ его время паломничество до того усилилось, что требовались даже духовныя мѣры къ его ограниченію. Къ этой эпохѣ относятъ основаніе русской Пантелеимоновской обители на Аѳонѣ, привлекавшей русскихъ богомольцевъ. Въ житіи Св. Ѳеодосія говорится о *странникахъ*, возвращавшихся изъ Палестины, разсказы которыхъ произвели на юношу глубокое впечатлѣніе, рѣшившее его стремленіе къ иночеству.

Таковы были условія, среди которыхъ возникло и развивалось впервые духовное образованіе нашихъ предковъ, жаждавшихъ книжнаго ученія и наполнявшихъ церкви и училища.

Успѣхи просвѣщенія нашей школы въ первый періодъ ихъ возникновенія на Руси были поистинѣ поразительны; они превосходятъ все, что представляла намъ западная Европа въ эту эпоху, еще переживавшая свой «желѣзный вѣкъ».

«Благодаря особенно благопріятнымъ обстоятельствамъ, пишетъ Погодинъ, духовное и нравственное образованіе (въ первый періодъ его на Руси) стало на высокую степень и мы имѣемъ изъ этого періода множество письменныхъ произведеній, принадлежащихъ лицамъ *всѣхъ* званій и сановъ: князьямъ, митрополитамъ, епископамъ, архимандритамъ и монахамъ, боярамъ и простолюдинамъ,—о предметахъ самыхъ разнообразныхъ, обнимающихъ жизнь почти во всѣхъ ея проявленіяхъ. Мы имѣемъ *лѣтописи, сказанія, законы*, церковные уставы; *грамоты* княжескія, монашескія, мирныя; торговые *договоры*, поучительныя *слова, разсужденія, житія, посланія, описанія* странствій, *вопросы* и отвѣты о церковныхъ предметахъ, *правила, притчи, молитвы, письма, похвалы*, даже *автобіографію*. Мы должны присоединить къ произведеніямъ духовной и церковной словесности и свѣтскія произведенія: *былины, пѣсни, пословицы, поговорки, слово о полку Игоревѣ, слово Даніила* Заточника. Это такое обиліе сокровищъ, которому нельзя не удивляться, за которое нельзя не благодарить судьбу. *Никакая исторія не представляетъ ничего подобнаго*. Мы такъ счастливы, что можемъ разсматривать своихъ предковъ въ картинахъ, ими самими написанныхъ, вѣрно, живо и обстоятельно» [1]).

«Не говоря о множествѣ сочиненій духовнаго содержанія, пишетъ другой изслѣдователь, принятыхъ нами вмѣстѣ съ христіанствомъ, и которыхъ весьма древніе списки уцѣлѣли до сихъ поръ,— переводы греческихъ хронографовъ начались почти одновременно съ первыми попытками русской литературной дѣятельности. Знаніе хронографовъ дало нашему первому лѣтописцу возможность представить, въ началѣ своего труда, короткій, но точный космографическій очеркъ; переводъ Малалы несомнѣнно принадлежитъ X-му вѣку; столь же древенъ и Амартолъ, слѣды котораго въ Несторѣ указывалъ еще Альтеръ» [2]).

Русскій языкъ усовершенствовался, благодаря вліянію греческаго. Греческій языкъ былъ близокъ русскимъ. Объ отличномъ его знаніи ими свидѣтельствуютъ обильные переводы съ греческаго, оставленные намъ предками. Отъ этого знакомства съ греческимъ языкомъ и близости къ нему языкъ русскій получилъ грамматическую обработку, правильность формъ, особенно глагольныхъ, обиліе словъ и выраженій. О красотѣ, выразительности и изяществѣ этого языка можно судить по «Слову о полку Игоревѣ», полномъ поэтическихъ картинъ. Самое преданіе о вѣщемъ

---

[1]) *Погодинъ*, Др. Р. Ист., стр. 662.
[2]) *Учен. Зап. Ак. Наукъ*, II отд. 58 г., кн. IV, стр. 23.

Боянѣ и его творчествѣ выражено чрезвычайно картинно: «Боянъ бо вѣщій, аш кому хотяше пѣснь творити, растекашеся мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ п земли, шизымъ орломъ подъ облакы»... Это «соловей стараго времени». О язык былинъ слѣдуетъ сказать, что онѣ и доселѣ составляютъ *образецъ народнаго поэти ческаго творчества,* равнаго которому не представляетъ *никакая европейская л* тература.

Это языкъ нашихъ предковъ *общенародный;* языкъ *литературной письме ности,* сохраняя силу и красоту языка народнаго, развился до выраженія самых возвышенныхъ понятій, отвлеченныхъ идей.

А какое богатство внутренняго содержанія представляетъ эта письменност Какою простотою, искренностью и правдивостью дышатъ несравненныя произведен нашего перваго лѣтописца; какою силою убѣжденія полны слова Луки Жидят св. Өеодосія; какое краснорѣчіе у Иларіона, смиреніе и простота у Поликарп глубокое знаніе сердца человѣческаго у Кирилла Туровскаго, умъ и пастырск ревность у Никифора. Чѣмъ больше вчитываешься въ эти произведенія древност отдаленныя отъ насъ вѣками, тѣмъ болѣе проникаешься къ нимъ уваженіемъ. Э не схоластика, не слова ради краснорѣчія, а полныя жизни и силы произведен глубокаго убѣжденія и вѣры.

Но литература этой эпохи была весьма разнообразною. «Пчелы» представля цѣлыя энциклопедіи, въ которыхъ помѣщались отрывки изъ замѣчательныхъ пр изведеній, съ извѣстіями о жизни авторовъ; а эти сборники, хотя дошли до на въ позднихъ спискахъ (XIV в.), но существовали гораздо раньше; выписки и нихъ у Даніила Заточника ручаются за существованіе ихъ въ XII вѣкѣ.

«Изборники» также представляютъ самыя разнообразныя свѣдѣнія изъ р торики, логики, философіи и географіи того времени. «Русская Правда» предста ляетъ замѣчательный юридическій памятникъ древности.

Но нѣтъ нужды останавливаться на этихъ внѣшнихъ умственныхъ пріобрѣт ніяхъ, хотя и они характеризуютъ образованность нашихъ предковъ; важнѣе все подъемъ и направленіе духовныхъ силъ народа.

Какъ слѣпы, узки и близоруки тѣ доктринеры, которые проповѣдуютъ, ч школа церковная,—школа, руководимая духовенствомъ, «стѣсняетъ свободное ра витіе умственныхъ силъ народа, ограничиваетъ и задерживаетъ его, ведетъ къ з стою и односторонности»...

Какой роскошный расцвѣтъ получила наша древне-русская школа, руковод мая духовенствомъ; какіе изумительные благодатные плоды принесла она наро русскому, и какая свѣтлая будущность ожидала ее впереди, еслибы не останови ея свободное развитіе страшное двухвѣковое Монгольское иго, когда «плачъ и туга разлились по всей землѣ русской, когда церкви разграблялись и разрушались, го рода и села разорялись до тла, гибли лучшіе сыны отечества въ битвахъ, земл безлюдѣла, отцы и матери «плакахуся чадъ своихъ, яко не суть». Небесной Бо угодно было послать это тяжкое испытаніе Руси, чтобы она въ страданіяхъ очисти лась, какъ «злато въ горнилѣ», и изъ испытаній вышла крѣпкою, мощною, единою сильною для исполненія цѣлей, назначенныхъ ей Провидѣніемъ. И Православна Русь сохранила ввѣренное ей сокровище св. Вѣры, сохранила и дорогую ей шко церковно-приходскую даже до нашихъ дней.

Общее обозрѣніе исторіи церковно-приходской школы въ первый періодъ ея ществованія на Руси приводитъ насъ къ слѣдующимъ *заключеніямъ.*

1) Школа и книжное образованіе на Руси возникли при особенно благопріятхъ историческихъ условіяхъ: а) *свободное* принятіе Русью христіанства, при единошномъ согласіи князя, бояръ и народа, сдѣлало и принятіе церковной школы ободнымъ и благожелательнымъ, а вслѣдствіе того—быстрымъ и усиленнымъ; необходимость, съ принятіемъ христіанства, измѣненія обычаевъ, закона и препій языческихъ Русскаго народа вызывали необходимость книжнаго духовнаго проѣщенія его; эту необходимость *одинаково* признавала церковная и гражданская асть, которыя поэтому дѣйствовали въ устроеніи школъ въ полномъ *единодушіи;* Русь получила крещеніе, «готово имуще св. писаніе и книги переведены съ гречеаго языка на Руськый»; слѣдовательно, обученіе въ школахъ и чтеніе могло производиться прямо на *родномъ языкѣ;* д) этнографическое единство Славянскихъ племенъ уси, единство *языка* ихъ, дѣлало Славянскую книгу *понятною всѣмъ* и обезпечило успѣхъ ученія; е) просвѣтительное вліяніе Болгаріи, за сто лѣтъ до крещенія уси имѣвшей школы и письменность, было благопріятнымъ и для нашихъ школъ.

2) Учрежденіе и распространеніе школъ на Руси было *повсемѣстнымъ.* Лѣтосныя свидѣтельства говорятъ объ открытіи школъ «по всѣмъ селомъ и градомъ». Школы учреждались прежде всего при епископіяхъ, затѣмъ при церквахъ и монастыряхъ. Школы были *всеобщими,* доступными для всѣхъ, учреждались *для всего рода,* для дѣтей «знатныхъ, среднихъ и убогихъ».

3) Учрежденіе школъ на Руси было дѣломъ *единодушнаго соглашенія* князей духовной власти. Первыя школы были открыты «по совѣту митрополита».

4) Особенно важное значеніе въ дѣлѣ образованія народа Русскаго въ первую оху его просвѣщенія имѣли *монастыри,* гдѣ не только было книжное ученіе, подготовлялись и *учители.* Есть основаніе предполагать, что при монастыряхъ ли учрежденія для призрѣнія сиротъ, которыя служили вмѣстѣ и школами.

5) *Устроители* древне-Русскихъ училищъ—князья, получавшіе образованіе ъ духовенства, были люди просвѣщенные, проникнутые христіанскимъ духомъ. и любили книжное ученье, высоко его цѣнили, устроивали и распространяли олы по всѣмъ областямъ древней Руси, жертвовали на нихъ даже собственныя едства, заводили библіотеки, покровительствовали монастырямъ и съ высокимъ уваніемъ относились къ духовенству и его просвѣтительной дѣятельности.

6) По единогласному свидѣтельству лѣтописцевъ, учрежденіемъ школъ и обраваніемъ древней Руси *завѣдывало и руководило* духовенство. Лица духовныя ли *единственными учителями* народа—въ церкви и школѣ. Право и обязанность учить народъ признавались безусловно князьями и народомъ. Православное сское духовенство, съ первыхъ поръ его существованія, при обширномъ, могущевенномъ вліяніи его, никогда не злоупотребляло имъ, не домогалось власти, но раничивалось нравственною сферою и ревностно трудилось на благо и духовное освѣщеніе народа,—въ этомъ его величайшая заслуга. Школа, созданная, направляемая и руководимая духовенствомъ, была неотдѣлима отъ церкви. Здѣсь заклюлся источникъ благотворнаго просвѣтительнаго вліянія древне-Русской школы на родную жизнь. Духовенство перваго періода Русскаго просвѣщенія стояло вполнѣ высотѣ своего призванія.

7) *Общинное начало* древне-русской жизни было благотворно для школъ. ерковь, явившись *новымъ средоточіемъ* Русской общины, образовала *приходъ.* На-

ходясь при церкви, школа на Руси является *церковно-приходскою*. Приходъ, имѣя источникомъ и руководителемъ духовной жизни церковь, принимаетъ участіе въ попеченіи о благоустроеніи *храма*, обезпеченіи его *причта*, устроеніи и содержаніи приходской *школы* и *призрѣнія* бѣдныхъ и сиротъ. Живая *связь церкви, школы и прихода* сдѣлала школу учрежденіемъ вполнѣ *народнымъ*, содѣйствовала быстрому распространенію школы въ древней Руси и установила ту крѣпкую связь съ нею народа, которая сохранилась и до нашихъ дней въ отношеніи школы *церковно-приходской*. Въ тоже время эта связь содѣйствовала *всеобщности* народнаго образованія.

8) Древне-Русская церковно-приходская школа была учрежденіемъ *общеобразовательнымъ, элементарнымъ;* устроивалась она для обученія *дѣтей* и имѣла соотвѣтствующій элементарному образованію курсъ. Но служа христіанскому просвѣщенію народа, она въ тоже время давала начальное образованіе и лицамъ, которые затѣмъ, дополнивъ свое образованіе въ монастыряхъ или путемъ самообразованія, занимали должности высшихъ и низшихъ чиновъ церковнаго клира.

9) Курсъ древне-Русскихъ училищъ ограничивался *чтеніемъ, письмомъ* и *церковнымъ пѣніемъ*. Этотъ курсъ имѣлъ *строго-церковный характеръ*. «Закона Божія», какъ особаго предмета не было, потому что все обученіе составляло одинъ Законъ Божій.

10) Дѣти принимались въ школу отъ 7 до 9 лѣтъ; но опредѣленныхъ правилъ на этотъ предметъ не было.

11) Способъ обученія направленъ былъ къ *сознательному* усвоенію преподаваемыхъ предметовъ, причемъ, употреблялось *повтореніе*, уроки соображались съ *силами* ученика. По недостатку печатныхъ книгъ, ученье совершалось по *рукописямъ;* обученіе чтенію соединялось *съ письмомъ*. Главная забота прилагалась къ тому, чтобы чтеніе священныхъ книгъ было *сознательнымъ* и разумнымъ. Первою учебною книгою послѣ азбуки была *псалтирь*, которую предки наши цѣнили высоко. Ее не только читали, но и заучивали *наизусть*. Она была «путевою» и руководственною въ жизни книгою для нашихъ предковъ. Обученіе *письму* цѣнилось высоко и сопровождалось изученіемъ правилъ тогдашняго правописанія. *Пѣніе* составляло любимое занятіе нашихъ предковъ, преподавалось во всѣхъ школахъ и въ древней Руси было весьма распространено. Первыми учителями пѣнія на Руси были Болгары, а затѣмъ Греки. О преподаваніи въ школахъ *грамматики и счисленія* лѣтописныхъ свидѣтельствъ нѣтъ, но есть основаніе предполагать, что предметы эти могли сообщаться и въ школахъ, какъ практическія свѣдѣнія,—первое— при обученіи письму, второе—въ цѣляхъ церковныхъ, какъ пасхалія.

12) Предки наши имѣли высокій *взглядъ на грамотность*, на «книжное ученіе» и чтеніе, завѣщанный Славянству св. Просвѣтителями его. Книги свящ. Писанія, на которыхъ воспитывались наши предки, были силою умственно и нравственно возрождающею народъ Русскій. Поэтому «церковно-приходская школа, которая учила читать и писать, могла служить основаніемъ и глубокой мудрости» Здѣсь лежитъ причина и объясненіе какъ глубокаго вліянія школы на народъ, такъ и расцвѣта нашей письменности въ первую эпоху просвѣщенія древней Руси.

13) Древне-Русская школа не ограничивалась только обученіемъ, но имѣла живой *воспитательный характеръ*, основанный на Евангельскомъ ученіи. Грамотность и книжное образованіе были не цѣлью, но *средствомъ* къ достиженію высшихъ задачъ религіозно-нравственнаго воспитанія.

14) *Идеалъ древне-Русскаго воспитанія* основанъ на *Евангельскихъ* началахъ ...ды, любви, мира, преданности волѣ Божіей, смиреніи, человѣколюбіи; въ то же ...я онъ заключаетъ въ себѣ строгую православную *церковность* и, какъ идеалъ ...бытно Русскій, имѣетъ характеръ высокаго *патріотизма*. Этотъ идеалъ сов...лъ съ *природными* нравственными качествами нашихъ предковъ—Славянъ и ...ому глубоко проникъ и укрѣпился въ сознаніи народа.

15) *Значеніе* древней нашей церковно-приходской школы обусловливается ...остью ея къ Церкви Православной. Народъ Русскій выносилъ изъ этой школы ...отность, любовь къ Православной Церкви, вѣрность государю и отечеству, ...ый; правильный взглядъ на жизнь и ея задачи, христіанскія убѣжденія о ...ѣ, о любви, о послушаніи Церкви, о долгѣ, о совѣсти, о высшемъ призваніи ...ка.

16) Высокому *развитію* нашей древней *письменности*, кромѣ указанныхъ вы... благопріятныхъ условій историческихъ (п. 1), содѣйствовали: близкая связь ...и съ Греціей и Болгаріей, духовныя сокровища которыхъ она унаслѣдовала ...дъ готовившимся паденіемъ обоихъ государствъ; внѣшнія сношенія древней ...и и паломничество. Успѣхи духовнаго просвѣщенія Руси въ этотъ періодъ и ...итіе нашей письменности достигаютъ замѣчательно высокой степени и вызы...ютъ справедливое удивленіе историковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	DATE DUE		